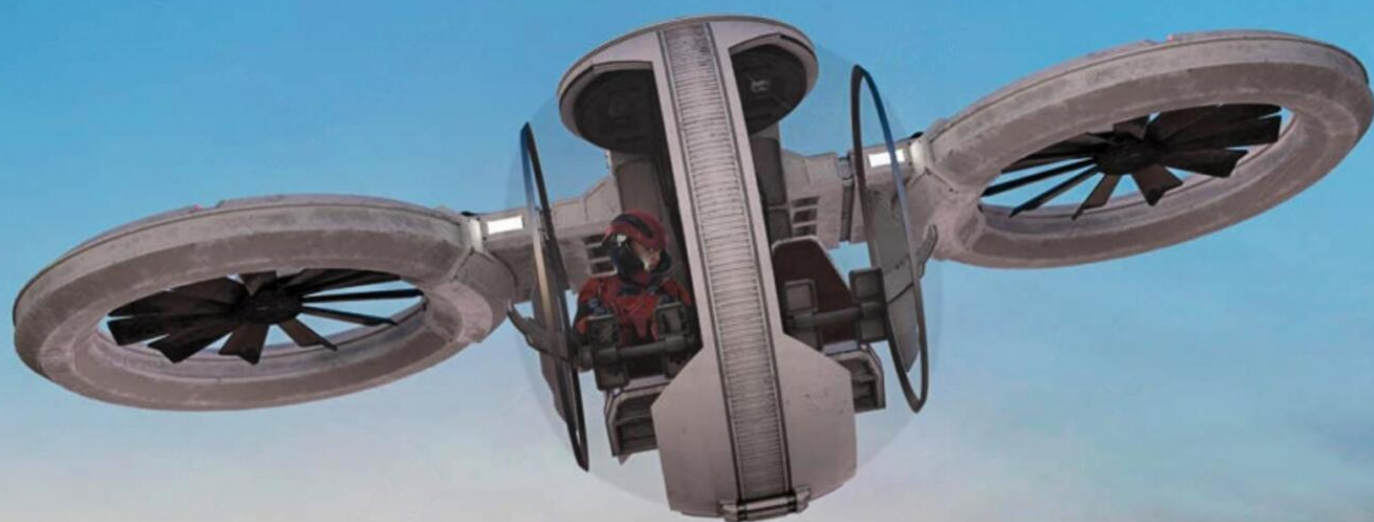

Павел Иевлев

Хранители

7

Мультиверсума

Книга седьмая

Последний выбор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Иевлев

**Хранители Мультиверсума.
Книга седьмая. Последний выбор**

«Автор»

2023

Иевлев П. С.

Хранители Мультиверсума. Книга седьмая. Последний выбор /
П. С. Иевлев — «Автор», 2023

Книга, в которой заканчивается эта история. Герои делают свой выбор и принимают последствия. Готовы ли принять их вы?

© Иевлев П. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Артём. «Места для женщин и детей».	5
Глава 2. Зелёный. «Здравствуй, жопа, мымбарук!»	19
Глава 3. Артём. «Дом наизнанку».	34
Глава 4. Зелёный. «Ручки, ножки и животик».	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Павел Иевлев

Хранители Мультиверсума.

Книга седьмая. Последний выбор

Глава 1. Артём. «Места для женщин и детей».

«Если б я был султан – я б имел трех жен». Султану хорошо. У него папа был султан, и дедушка был султан, и прадедушка. И каждый имел. Для султана это проза. За султаном традиция, история и инфраструктура. Гарем, евнухи с опахалами. Ему что три, что тридцать три... А я сижу в каюте дирижабля, смотрю в стену и пытаюсь понять, рад я или нет. Тому, что завтра мы прибудем в Центр, к моей странной семье.

«Неплохо очень иметь три жены». Алистелия – хрупкая белокурая красотка с дивными фиалковыми глазами. Чтобы их увидеть, надо подойди, обнять, нежно поднять лицо – тогда распахнутся эти огромные озера, в которых можно утонуть. Иначе – смотрит в пол, кивает, молчит. «Что сделать для тебя, муж мой?» – голосок такой же тихий, как она сама. Всегда немного грустная – или мне так кажется. Спросишь – замотает головой, спрячет глаза. «Все хорошо, муж мой». По имени не назовет даже в постели.

Таира – смуглая, черноволосая, кареглазая, длинные блестящие смоляные волосы. Необычное, чуть грубоватое, но очень привлекательное лицо с алыми четкими губами. Она – горянка Закава, с худым сильным телом, длинными стройными ногами и высокой грудью. Молчаливая и строгая. Эта не прячет глаз – смотрит всегда прямо и открыто, как будто с вызовом. Смотрит так, как будто чего-то ждет. Своим низким грудным голосом произносит мое имя как «Гхарртём» – с почти неслышным, но все же существующим «гх» впереди. Своё шепнула мне на ухо в первую ночь. Имя – только для своих и то не всегда. Для самых интимных моментов.

Зову «ойко», что на языке Закава значит «дорогая для меня женщина». Буквально – «дороже козы».

До сих пор говорит с небольшим акцентом. Зато все наше скромное хозяйство на ней. Коз у нас нет, но все остальное она делает быстро и охотно. Правда, готовку ей лучше не доверять – если не хочешь бегать по потолку, изрыгая огонь. Горские блюда – это перчёный перец, посыпанный перцем.

Меланта. Со слов Старого Севы – последний представитель своей расы. Уникального народа позитивных эмпатов. «Как будто тебе десять лет, и День рождения, и Новый Год, и цирк, и только что подарили щенка и велосипед...» – вот так себя чувствуешь рядом со счастливым кайлитом. Меланта счастлива от любой ерунды и даже без нее. Невозможно удержаться от улыбки, глядя на ее веснушчатую, с широким, вечно улыбающимся до ушей ртом физиономию под растрепанной шевелюрой огненно-рыжих волос. Безалаберна как подросток – скачет, напекает, пускается в пляс, разбрасывает вещи, никогда не убирает за собой посуду, не закрывает шкафов, в комнате бардак... Но сердиться на нее не может даже строгая Таира.

С Мелантой невозможно разговаривать серьезно, от ее зеленых глаз искрами летят смешинки, она обожает азартные игры, танцы, веселье и групповой секс. Идеальный партнер в любых комбинациях. Рыжая везде, веснушчатая до кончиков сосков эмпатка, тонко дающая понять, как сделать хорошо ей, и всегда знающая, что нужно партнерам.

Идеально. Все идеально. Они чудесные девочки. Не семья – а мечта. Но отчего мне кажется, что скоро все изменится? Локальное время в Центре быстрее, чем в Мультиверсуме, и к моему прилету они уже должны вот-вот родить. Наверное, так же одновременно, как забеременели. Выполнят свою часть сделки, в условия которой меня так никто и не удосужился посвятить.

Почему меня не оставляет чувство, что я был нужен только для этого? Как будто они взяли временный контракт «идеальных жен». Он подходит к концу, скоро пора будет платить. А я понятия не имею, в какой валюте выставят счет...

– Не спишь? Можно к тебе? – дверь приоткрылась. Ольга.

– Заходи.

– Рефлексируешь, многоженец?

Все-то она знает...

– Оль, зачем Сева все это устроил? Ты же всё знаешь...

– Не всё, к сожалению, – она уселась на кровать рядом.

К моему удивлению, от нее довольно сильно пахнет алкоголем. Ольга редко пьет, а пьяной я ее вижу... Пожалуй, второй раз. Причем первый, подозреваю, она притворялась.

– Я действительно не знаю, Тём. Старый Сева был очень себе на уме. У меня, конечно, есть версии, но они достаточно очевидные, ты сам наверняка до них додумался.

– Искупитель?

– Боишься стать богоотцом? – рассмеялась она, откинувшись на подушки.

Красиво откинувшись. Она отрастила волосы и стала выглядеть более женственно, чем с привычной короткой стрижкой. Длинные, богатого медного цвета локоны падают на голубые глаза, майка натянулась на груди, обозначив соски. Хороша.

– Опасаюсь, – признался я.

– Правильно опасаясь. Ни к чему хорошему это не приводит. Но я все же считаю, что это дымовая завеса, обманный маневр. Сева был деятельным участником Конгрегации – внутреннего подразделения Церкви Искупителя. Ей принадлежит Школа Корректоров. Думаю, Сева реализовал какой-то их замысел.

– То есть, он меня подставил?

– Не без того, – она села на кровати, волнуяще придвинувшись.

Ее запах – горьковатый, странный, с нотками полыни и миндаля. Я без ума от него до сих пор.

– Но разве тебе плохо?

– Мне хорошо, – ответил я, подумав, – пожалуй, слишком хорошо. Так не бывает. Опасаюсь, что не потяну счет. Не знаю, использовал ли Сева меня как прикрытия, или правда верил, что от меня Искупитель родится, но слишком многие считают, что это так. А главное – я не понимаю, зачем это им.

– Твоим женам?

– Да. Почему они согласились? Они их не заставлял, я знаю. Он что-то им пообещал. Что? Ради чего они решили родить от меня? Зачем?

– Не ради твоих прекрасных глаз? – рассмеялась Ольга.

– Перестань, я не настолько высокого о себе мнения...

– А зря, – сказала она неожиданно серьезно, кладя руки мне на плечи и приблизив лицо, – в тебе есть некое очарование абсурдно хорошего человека...

У меня никогда не получалось ей отказать. Ну и три жены – это не одна. Как-то, знаете, размывается понятие супружеской верности...

– Ну что, обновила метку? – спросил я много позже, любуясь ее профилем в свете сияющей в иллюминаторе ненормально большой луны.

Дирижабль шел «зигзагом» в каком-то срезе, гудели чуть слышно моторы. Моя вахта утром, я не выплюсь, но оно того стоило. Несмотря ни на что.

– В этом же был смысл? Ты находишь с Дороги тех, с кем спала, а со мной у тебя давно ничего не было...

– Да, это тоже, – не стала отрицать рыжая, – но не только.

– Ой, вот не надо, – отмахнулся я, – мы давно прояснили этот вопрос. Любовь – это не про тебя, ты сама сказала.

– Люди меняются, Тём, – сказала она, садясь, – даже такая старая злобная сука, как я.

Я смотрел на нее – по-прежнему выглядит на двадцать. Очень хороша. Особенно сейчас, когда сидит голая, в лунном свете, подпирая рукой встрепанную голову. Глаз не отвести. Я помню, кто она и что она – но стоит ей вот так повернуться...

– Хочешь верь, хочешь нет – но я немного завидую твоим юным глупым девочкам. И ты мне все же почему-то дорог. Но ты прав – только из-за этого я бы не пришла к тебе сегодня. Я кое-что узнала от Малки. Сева тогда дал тебе катализатор фертильности из Эрзала. Подмешал в вино. Эрзальские биотехники использовали такие активаторы для осеменения своих биоконструктов. Шансы залететь от тебя максимальны, а дети скорее всего унаследуют талант оператора.

– Так вот почему Малки все время под меня каких-то баб подложить пытался! Я-то думал, что из-за Искупителя...

– Дошло? – засмеялась Ольга, – Нет, ему глотти нужны. Они с Севой старые приятели, он знал, конечно.

– Так ты... – до меня дошло не только это.

– Да, представь себе. Я решила, что это шанс. Я бесплодна, ты знаешь, но вдруг?

– А меня спросить?

– А тебя часто спрашивали?

– Нет, – признал я, – вообще никто. Ставят перед фактом. Лох я педальный.

– Не бойся, дорогой, алименты не потребуую, – она встала и начала одеваться.

– Да причем тут...

– Шутка. Спи давай, тебе до вахты четыре часа осталось.

И ушла, оставив меня в глубокой растерянности. Вечно с ней так...

Кофемашина на рабочем камбузе несмотря на свой вызывающе стимпанковый вид отличная. Я сварил себе большую кружку.

– Не выспался?

Я с подозрением посмотрел на Зеленого. Подначивает? Нет, вроде просто так спросил. Откуда ему знать, действительно?

– Есть немного.

– У меня тоже переходы сбили все биоритмы, – он зевнул, вызвав цепную реакцию: за ним зевнул я, Иван и даже рыжий кот со странным именем Ёксель, уютно лежащий на диванчике пилотской кают-компани.

– Всё, я спать. Курс в навигаторе, направление на гирокомпасе. Вахту сдал. Кэп, механик покинул мостик. Разбудите, когда долетим.

– Принято.

– Штурман на мостике, – подхватил инициативу я, – вахту принял.

Иван постепенно вводит у нас военно-морские правила. Наверное, так и надо. В любом случае, мне не сложно.

За наборным панорамным стеклом ходовой рубки разматывается дорога. Не Дорога, а просто трасса в каком-то срезе, сложным образом соответствующая ей в этой метрике.

– Срез пустой?

– Пока никого не видели, – ответил капитан.

Иван на вахте в красивой черной фуражке с эмблемой Первой Коммуны на золоченом «крабе», но без формы. Только тельник под курткой. Нет у нас формы, и его это, кажется, расстраивает. Офицер – навсегда офицер. У нас даже дирижабль до сих пор безымянный. Безобразия, конечно, тут я согласен, но как-то нет до сих пор консенсуса. Мне, как бывшему писателю, кажется, что дирижабль, в силу своего ретростатуса, и имя должен иметь стильное и винтажное. «Генриетта» какая-нибудь. У меня нет знакомых Генриетт, просто звучит этак литературно – «Дирижабль «Генриетта». Хорошо же. Но Иван с его военно-морскими законами категорически против. Ему нужно что-то такое, сурово-пафосное. «Стремительный», например, или «Грозный». Хотя какой он, к воздушным чертям, «стремительный»? Довольно тихоходный аппарат, да и «грозного» ничего в этом прогулочном лайнере нету. Зеленый, с его гаражным чувством юмора предложил несколько крайне скабрёзных вариантов, но ему, кажется, вообще все равно. «Зачем ему название? Мы что, боимся спутать его с другим дирижаблем?». Никакого уважения к статусу.

Я сверился с направлением, выставленным на визире, – длинный «зигзаг» получается. Вставил кружку с кофе в держатель на ручке кресла, уселся перед консолью, натянул гоглы. Навигационная панель показывает точку финиша – наводился на микромаячок, который таскает на шее Таира. Казалось, что нет более безопасного места – а вот поди ж ты... Так что Зеленый, прихвативший семью с собой, возможно поступает правильно.

– Арутем Ивани потипи харуешь!

– Маш, говори по-русски, я же просила. Сейчас сварю тебе кашу, да.

– Доброе утро, Лена, – поприветствовал их Иван.

Лена, жена Зеленого, похожа на Ольгу. На вероятностную Ольгу, которая не потеряла мужа и ребенка, не стала руководителем разведки Коммуны, не принимала Вещество, а была обычной женой и матерью, родила второго и да, – уже давно не выглядит на двадцать. Рыжая и голубоглазая, но – совсем другая.

– Здравствуйте, Артём, Иван. Мы не помешаем? В большом камбузе слишком... Просторно.

– На камбузе, – поправил Иван, – правильно говорить «на камбузе». Нет, не мешаете, конечно.

– Драсть, дядя Иван и дядя Артём!

Маша, очаровательная семилетняя дочка Зеленого, перешла с альтери на русский.

– Привет, Маш, – ответил я, – как дела?

– Тут круто! Мне очень нравится! Маам, а можно манную?

– Тут нет манки, солнышко. Овсянку будешь?

Мы не успели запасть, улетали в спешке, боялись, что настроение Конторы изменится и нас не выпустят.

– С вареньем?

– С клубничным.

– Буду!

Лысый, ушастый и серьезный сын Зеленого деловито полез на диван. Ему года полтора, насколько я помню. Интересный мальчик – почти все время молчит. Что-то, наверное, себе думает.

Дорога внизу стала отклоняться, и я положил руку на выключатель резонаторов.

– Капитан?

– Штурман, выход!

Щелчок, вибрация, чуть закладывает уши – мы не над дорогой, а над Дорогой. Туманный шар, сквозь который проглядывает что-то расплывчато-никакое, и только пятно Дороги внизу видно четко.

– Ух ты! – реагирует девочка Маша, – какое тут всё...

Да, вот такое. Никто не знает, почему. Но это не мешает нам пересекать это странное над-пространство, не теряя направления на цель. Но лучше тут не задерживаться, странное это место. У меня от него до сих пор мурашки везде.

– Штурман, зигзаг!

– Есть зигзаг!

– Кхаботри цур! – восхищается (наверное) Маша

– Маш! – мягко укоряет ее Лена, – но красиво, да.

Внизу просто пустыня, но низкое солнце превращает ее песок в золотой. Он переливается красками от тускло-оранжевого до густо-багрового, чередуясь с полосами яркой желтизны там, где падают рассеченные выветрившимися скалами косые лучи заката. Шикарное зрелище, но дорога здесь почти не видна. Ее давно поглотил песок, оставив только редкую цепочку столбов с оборванными проводами. Пока солнце окончательно не село, сколько-то пройдем над ними, направление верное.

– Наелась, Маш?

– Угу, псибмам!

– Отнеси Насте тарелку, пожалуйста. И чаю я сейчас ей налью...

– Как она? – спросил я у Лены.

– Переживает. Выходить не хочет. Очень расстроена, бедная девочка.

Лена как-то естественно взяла шефство над моей приемной дочерью. Настя, едва не угробившая целый мир, в этом нуждается. Она не виновата, разумеется, но поди объясни это подростку. Я пытаюсь. Вчера весь вечер просидел в ее каюте, разговаривали о всяком. Но глупо рассчитывать, что полученные психотравмы вот так возьмут, и рассосутся. Досталось ей, как мало кому достается. Надеюсь, в Школе корректоров ей станет легче, там все такие – синеглазые Разрушители, из которых пытаются воспитать Хранителей. Иногда даже успешно.

Солнце над пустыней село окончательно, на срез упала ночь, последние следы дороги растворились в фиолетовых тенях.

– Штурман, выход!

– Есть выход!

– Подлетаем? – а вот и рыжая моя соблазнительница проснулась.

Выглядит прекрасно, ведет себя как ни в чем ни бывало. Она такая.

– Последний переход, Ольга Павловна – поясняет Иван, – полчаса – и выйдем в Центре.

– Тогда я успею попить кофе.

Иван с ней подчеркнута корректен, по имени-отчеству. Привык в Коммуне. Но не доверяет и опасается. Правильно, наверное, делает. Это я балбес бесхарактерный, всю жизнь бабы мной крутят как хотят.

Капитан несколько раз щелкнул клавишей селектора.

– Да проснулся я, проснулся, – недовольно ответил Зеленый, – чего там?

– Один переход остался, ты просил разбудить.

– Хорошо, спасибо.

Центр Мира – как пафосно называют это место, – сверху выглядит очень странно. Я прожил тут три месяца, но даже не предполагал, что он похож на леденец. Такой, знаете, спиральный леденец, где узкие треугольные сектора закручены вокруг центра. Снизу это не разглядеть.

– Не вижу следов штурма, – сказал Зеленый, – я-то думал тут война и немцы. Паника, дым, пожары, мародерство, партизаны...

Город действительно цел. Ни дымка, ни развалины. Сверху видно, что население не прячется и не бежит, а наоборот – кучкуется на главной площади. Там уже собралась приличная толпа, окружившая механизм мораториума. С импровизированной трибуны перед ней кто-то выступает. Дирижабль поплыл туда, неспешно подрабатывая винтами. Когда наша овальная тень легла на землю, лица повернулись вверх.

– Машине стоп, – скомандовал капитан, – прибыли.

Выяснилось, что никто, собственно, на Центр и не нападал. Хотя пугали нас не зря – как только кто-то повредил мораториум, над городом появились летающие платформы Комспаса. Две больших, боевых и одна маленькая, двухвинтовая, без оружия. Она села прямо тут, на площади и ее пилот, весь в высокотехнологичной кирасе и глухом шлеме, дождавшись прихода иерархов Церкви, озвучил ультиматум.

Комспас требовал выдать Искупителя.

То, что Искупителя у Церкви нет, и что он, возможно, вообще еще не родился, их не волнует. Они готовы принять его младенцем, или в животе матери, а в то, что Церковь не знает, кто это, они не верят. Зато предупредили, что абы какого ребенка им подсунуть не выйдет. Есть, мол, способы проверить.

Представитель Конгрегации, сидя у нас в большой кают-компании, только руками разводил. У Церкви такого способа нет.

Этого властного пожилого священника я раньше не видел. Одет в стандартный балахон, но совершенно не похож на духовное лицо. Ольга на него сразу стойку сделала, почуяла коллегу по разведделам. Кстати, существование такой организации при церкви Зеленый предсказал задолго до того, как мы увидели ее первого представителя. Вычислил своей странной логикой, мрачно заявив, что они еще преподнесут нам сюрпризы.

Сам Зеленый послушал этого «конгрегатора» – и свалил вниз, на площадь, шепнув, что «все равно ничего не скажет». Теперь они с Иваном осматривали поврежденный мораториум, оставив дипломатические функции мне и Ольге. Ну, то есть, предполагалось, что именно мне – но рыжую, разумеется, от такой интриги за уши не оттащишь. А из меня дипломат никакой, меня семья волнует.

– Да, мы считаем, что Комспас имеет в виду вашего ребенка, – подтвердил мои худшие опасения представитель Конгрегации.

Он представился, но у меня его имя сразу из башки вылетело. Нервы.

– Какого из трех? – спросил я мрачно.

– Возможно, они вообще не подозревают, что их три. Или хотят всех трех. Или имеют способ выбрать...

– Вы тоже считаете, что я отец Искупителя? – от одной мысли об этом мне становилось дурно.

– Будущий отец, – поправил меня он, – Ваши жены ждут вас, чтобы родить. Но нет, я так не считаю. Искупитель – сложнейший философско-метафизический феномен, и я не думаю, что можно вот так ткнуть пальцем и сказать «вот он!». Но не важно, что думаю я. Важно, что думает Комспас.

– Они же собираются как-то это определить?

– Я подозреваю, что они могут узнать не то, является ли конкретный ребенок Искупителем, а то, является ли он вашим.

– Ты же был в плену, – напомнила Ольга, – у них наверняка есть материал для генетической экспертизы. А Сева сумел убедить всех, что Искупитель родится именно от тебя. Не с вашей ли подачи, кстати?

Ольга уставилась пронзительными голубыми глазами на собеседника.

– Баз комментариев! – строго ответил тот.

Даже отпираться не стал, сволоочь.

– А что значит «ждут, чтобы родить»? – внезапно дошло до меня. – Как это вообще можно «ждать»?

– Ваши жены, Артём, – укоризненно сказал церковник, – очень серьезно относятся к своей миссии. Родить без вас – было бы просто неправильно. Я бы на вашем месте поспешил к ним. Им и так непросто.

– Черт подери, а раньше нельзя было сказать? – ответил я уже не бегу.

Кто-то более сообразительный и ответственный, чем я, позаботился о том, чтобы возле дома нас ждал большой автомобиль. Мне осталось только обнять своих пузатых женщин и осторожно посадить в салон. Меланта здорово располнела, но ей это парадоксально шло, она стала какой-то мягкой и уютной, не перестав фонтанировать весельем даже сейчас. Смешно переваливается, поддерживая живот, и хохочет. Алистелия тоже слегка округлилась, налившись грудью, а вот Таира – все такая же худая и стройная, с прямой спиной. Круглый выпуклый живот забавно торчит на спортивной поджарой фигуре.

– Наконец-то, – сказал она с облегчением, – мы трудно ждать!

– Ха, – отмахнулась Меланта, – не слушай эту зануду! Они так смешно толкаются, пошупай!

Я торжественно возложил руки на ее живот и живот Алистелии, жалея, что рук всего две. В ладони синхронно пнули изнутри. Я испытал странное чувство. Не найду слов, чтобы его описать, это что-то совсем в моей жизни новое. И мне оно, пожалуй, нравится, несмотря на всю причудливость ситуации.

– Они готовы, муж мой, – тихо сказала Алистелия, – мы ждали только тебя.

Я не стал уточнять, как это у них получилось. Лучше не вдаваться в детали.

Здесьняя больница мало похожа на наши. Какая-то... академическая, что ли? В ней не пахнет антисептиками и хлором, интерьер холла в стиле модерн, медсестры в кружевных накрахмаленных колпаках. Солидный врач с седой бородкой принял нас без всякой бюрократии и расспросов. Нас явно ждали. Может это глупо, но я нервничал и бегал из угла в угол как самый обычный будущий отец, и бросился навстречу вошедшему доктору с самым обычным: «Ну что? Ну как?».

– Девочки, – сказал он спокойно, – и мальчик. Все здоровы, все чувствуют себя хорошо.

– Слава богу! – выдохнул я.

Меня нарядили в халат и провели в большую светлую палату. Женщины мои выглядели усталыми и осунувшимися, но довольными. И какими-то... Исполнившими долг, наверное. Я сразу почувствовал это в атмосфере.

– Как вы, дорогие мои?

– Не так все и страшно! – оптимистично заявила Меланта, – хотя бывали в моей жизни моменты и получше. В это место приятнее впускать, чем выпускать оттуда.

Она откровенно похлопала себя внизу живота.

– Мы справились, муж наш, – тихо сказала Алистелия.

– Мальчик – мой, – с гордостью сообщила Таира.

– Пфуй, девочки лучше! – засмеялась Меланта. – Ты кого больше любишь, мальчиков, или девочек?

– Я вас люблю, – сказал я машинально, не вдумываясь.

В тот конкретный момент это было чистойшей правдой, но все вдруг как-то странно замолчали и уставились на меня так, как будто я невесть чего ляпнул. Мне аж неловко стало.

– Да потрогай ты их уже! – со смехом нарушила смущенное молчание Меланта, – они не стеклянные!

Младенцев уложили на один широкий столик с мягким углублением, и они были, на мой взгляд, совершенно одинаковыми. Не розовыми и щекастыми, а слегка сизоватыми и очень маленькими. Глазки закрыты, носики сопят, а больше ничего не видно из-за пеленок. Как они различать-то будут?

– И который тут мальчик? – спросил я неуверенно.

– Вот мой сын! – сказала Таира, без колебаний ткнув пальцев в левого. На мой взгляд, он ровно ничем не отличается от остальных.

Я осторожно коснулся его щеки. Сын (мой сын, мамадорогая!), недовольно пошевелил в ответ носом. Ну вот я и стал отцом. Сразу троих. Теперь они будут как-то расти, уметь, с ними надо будет что-то делать... К горшку, там, приучать, учить чтению... Что еще с детьми делают? В эту секунду я с ужасом осознал, что совершенно не готов быть отцом. Я полностью и всецело отвечаю за эти три жизни? Да я вообще не представляю себе, что с ними делать! Я про себя до сих пор иногда думаю: «Вот, вырасту, и тогда...».

Меланта эмпатически уловила мою панику и, приподнявшись на кровати, усадила рядом, на край. Обняла за плечи, смешно фыркнула ежиком в ухо.

– Перестань! – сказала она весело, – все дети так или иначе вырастают.

– Но я не знаю, как...

– Никто не знает! – смеется она, – нет никакого правильного способа растить детей. Они сами вырастут, как лопухи на обочине. И в любом случае не будут такими, как ты себе представляешь, так что даже не начинай представлять!

– Не волнуйся, муж мой! – добавила Алистелия, – я позабочусь о них!

– Мужчине нет надо думать про младенца! – веско подвела итог Таира, – Мужчина учить его драться после!

Я не чувствовал в себе таланта научить кого-то драться, но подумал, что эта проблема встанет еще не завтра. Сейчас у них есть на троих шесть отличных сисек и больше ничего не требуется. С остальным будем разбираться по ходу жизни. Переживать рядом с Мелантой все равно невозможно, так что я поддался ее ментальному позитиву и начал просто радоваться. В конце концов, у меня же дети родились!

– Обмыв копыт! – строго сказал встретивший меня в холле Зеленый.

– Давняя священная традиция! – подтвердил Иван.

Я подозрительно огляделся – Ольги не было.

– Смылась рыжая, – подтвердил Зеленый. – Как тот Карлсон, пообещав вернуться. Унеслась куда-то с инквизитором, или кто он там. О чем-то они договариваться будут, но нас это, вроде как, не касается.

– У нас своих дел полно, – подтвердил Иван, – но это подождет. А вот копыта настоятельно требуют немедленного обмыва. Твоих когда выпустят?

– Вроде бы уже завтра. Все благополучно прошло.
– Девочка-мальчик-девочка? Сложно будет пацану, – вздохнул Зеленый, – сестры – дело такое... Но, между тем – копыта ждут! Поехали!

Оказывается, они приехали на УАЗе, выгрузив его из дирижабля. Тот так и висел над площадью, потому что никакой парковки для него тут не предусмотрено. Но энергии у нас много, мы под пробку залили энерготанк в башне. Висеть вот так он, наверное, тысячу лет может.

В кают-компании Лена накрывала на стол, расставляя тарелки. С камбуза вкусно пахнет жареным мясом, об ноги интенсивно обтираются два заинтригованных этим запахом кота – рыжий и сиамский. Каждый из них старательно делает вид, что он единственный, игнорируя соперника.

– Забрал своих? – сообразил, увидев сиамца, я.
– Да, здесь они, – кивнул Иван, – не без приключений, но добрались. Идея отправить их с цыганами оказалась не такой хорошей, как выглядела.
– Как и все остальные наши идеи, – покивал Зеленый.
– Я чего-то еще пропустил? – напрягся я.
– Потом, – отмахнулись оба, – сначала копыта!
– Здравсьте, дядя Артём! – поприветствовала меня зашедшая из коридора Василиса, – поздравляю с Днем Рождения детей! Это вам! Цыганский сувенир! От дяди Малки!

В деревянной, выстланной алым бархатом коробочке лежат три маленьких золотых серьги. Простые тонкие золотые колечки с замочком, пропущенные через бусины черного камня. Я провел по ним пальцем и понял, что они куда ценнее, чем кажутся. Это маркеры, такие же, как черный диск, что таскает на груди Таира. Если вдеть их в уши детям, то я всегда смогу их найти. Другое дело, что колоть им уши еще не скоро, это же не цыганята, которые с младенчества в таких цацках. А мальчику так и вовсе, наверное, лишнее. Хотя сейчас на Родине пирсинг в моде...

– С Днем Рождения твоих малышей! – поздравила меня Светлана, Иванова жена. – Дорогой, носи свои напитки! Будем праздновать!

И правда, День рождения же. Самый первый. А кстати, какое сегодня число? И по какому календарю? Какого среза? Да, с гороскопами у моих детей будут сложности. И это только первое, что пришло в голову...

– Расслабься! – хлопнул меня по плечу Зеленый, – дети – это здорово! Наливай, кэп!
– Серьезно, Артём, – Иван загремел посудой, – поначалу теряешься, конечно, но потом понимаешь, что все куда хуже, чем ты думал...
– Паап! – возмутилась Василиса.
– Но никогда, никогда не пожалеешь, поверь! – добавил он, подмигнув дочери.
Утешили, блин, опытные папаши.

Положительный момент напитков Ивана – от них нет похмелья. Впрочем, мы и не злоупотребляли. Так, посидели скромно, как семейные люди с семейным человеком. Я только сейчас начинаю ловить в себе это ощущение. Что я семейный человек, а не герой в модном литературном жанре адыульт-фэнетези, который даже большее днище, чем мои пиздекомы.

Дети все меняют.

С утра Зеленый отвез меня в больницу на УАЗе и умотал по делам – что-то они там с Иваном придумали насчет мораториума. Интересно, но сейчас все мои мысли тут, с детьми и женами. Пытаюсь осознать свое место в жизни, так сказать. Моё – в их жизни. И их – в моей.

На выписку явился давешний представитель Конгрегации, имя которого я так и не вспомнил и про себя называл просто «Инквизитором». Что-то в нем есть такое, зловещее.

– Какие планы? – поинтересовался он нейтральным тоном.

– Без понятия, – честно признался я.

В последнее время даже не пытаюсь строить планы, слишком много сюрпризов. И инквизитор подкинул очередной.

– Есть интересное предложение для вас, – продолжил он так же нейтрально.

– Я открыт к предложениям.

Из меня хреновый глава семьи. Бездомный и безработный. Маленький коттеджик, где мы сейчас обитаем, нам предоставили без уточнения условий. Бесплатно, но никто не обещал, что навсегда. Между тем, для Центра мы, возможно, становимся токсичным активом – если Комспас нацелился именно на моих детей.

– Мы считаем, что дальнейшее пребывание в Центре может быть опасным, – сказал инквизитор, – Для вас, для вашей семьи, для окружающих.

– Возможно, – согласился я, – однако не могу не отметить, что вся эта ситуация является следствием в том числе и ваших действий. Не думаю, что Сева один это все придумал.

Представитель Конгрегации снова не стал комментировать мои предположения. Но и опираться тоже не стал.

– Учитывая уникальность ситуации и нашу заинтересованность в вашей безопасности, я хочу предложить вам сменить место жительства.

– Выгоняете?

– Напротив. Давайте прогуляемся, если вы не против. Вашу семью будут еще некоторое время готовить к выписке, мы успеем вернуться.

Ничуть не сомневаюсь, что их будут «готовить к выписке» так долго, как нужно инквизитору. В Центре все решает Церковь, а в Церкви – Конгрегация. Ну а нам, обретающимся тут в статусе нахлебников, выбирать особо не приходится.

Мы вышли из больницы и пошли пешком. Этот сектор, один из множества сходящихся узкими закрученными клиньями к площади, выстроен в архитектуре позднего модерна, вычурно и чуть мрачновато. В символике обильно покрывающих здания барельефов часто встречается эмблема Первой Коммуны – микроскоп, вписанный в шестеренку. Я не прожил тут достаточно долго, чтобы детально разобраться в истории возникновения столь странного места, знаю только, что Центр – это «сборная» локаль. То есть, состоит из частей разных срезов.

Здесь довольно мило. Комфортно жить – крошечные магазинчики, небольшие кафе, много пространства для неспешных прогулок. Людей немного, чем они тут занимаются – непонятно. Наверняка существует какая-то рациональная экономика, но я не знаю, на чем она строится. Те три месяца, что я прожил тут с семьей, мы как-то не поднимали этих вопросов. Глупо, да, но я был слишком поглощен рефлексиями и отношениями. Каждый день Таира ходила на рынок и приносила продукты, но откуда брались на них деньги? Мне что-то заплатили за лекции в Школе, но я даже не знаю, много это или мало, потому что сразу отдал забавные цветные купюры той же Таире. Откуда берутся продукты на этом рынке? Кто и на что содержит Школу? Практически уверен, что все это организовано Церковью Искупителя, но как именно? Если мы и дальше будем жить здесь – со временем разберусь. А если этот инквизитор сейчас выпроводит нас ко всем чертям – то и ладно. Заберу всех на дирижабль, например, там еще есть свободные каюты, и права мои на них не меньше, чем у всех остальных.

Прошли пару кварталов и остановились у ничем не примечательной двери ничем не примечательного дома. Дверь массивная, деревянная, с витой бронзовой ручкой, довольно стильная. Но здесь все примерно такие. Кажется, что этот квартал целиком переехал сюда из начала двадцатого века нашего мира – этакое ар-нуво.

– Откройте дверь, пожалуйста, – попросил инквизитор.

Я немного удивился, но повернул ручку с литым цветочным орнаментом и потянул дверь. Она легко открылась. Внутри оказалась парадная лестница с закрепленной бронзовыми прутьями ковровой дорожкой и коваными металлическими перилами, уходящая наверх, к квартирам. Ничего необычного.

– Мне войти?

– Нет, не нужно. Закройте обратно.

Я пожал плечами и закрыл. Язычок замка щелкнул.

– А теперь открою я...

Инквизитор точно так же повернул ручку и потянул, дверь снова открылась – но лестницы за ней уже не было. Просторная прихожая, вешалки, стойка для обуви, высокое ведро для зонтов. И еще одна дверь, тоже деревянная, но потемнее.

– Проходите, – пригласил он меня.

Мы вошли.

– Эта дверь открывается ключом.

Он показал мне связку массивных ключей – стержень со сложной бородкой, круглая бронзовая головка. Ключи просто висят на вешалке у входа.

– Сейчас она должна быть не заперта... Да, так и есть. Давайте войдем.

Мы прошли в полутемный холл какого-то дома. Я уже догадался, что отнюдь не того, который виден с улицы. К этим фокусам с пространством постепенно привыкаешь. Тут просторно, немного затхло, немного пыльно. Пахнет старой бумагой и мастикой для паркета.

– Как вам? – спросил он.

– Пока не очень понятно. А где мы?

– Вот здесь.

Он решительно отодвинул широкую штору. Это был опрометчивый поступок, за который пришлось расплатиться чиханием и стряхиванием с себя пыли, но зато помещение осветилось лучами яркого солнца через большое окно. За окном тот же город – но совершенно пустой. За годы блужданий по вымирающему Мультиверсуму я привык это определять с первого взгляда. Тут давно никого не было. Несколько лет, как минимум.

– И где это «здесь»?

– Неизвестно, – пожал плечами инквизитор. – Многие дома в этом секторе Центра изначально «двойные». В Коммуне любили так строить, это экономит пространство. Два города в одном. К сожалению, право входа в такие двери почти везде утрачено. Это, возможно, последняя, которую есть, кому открыть. Мы не знаем, как восстановить доступ к остальным и возможно ли это в принципе. Он передается от человека к человеку. Подойдите сюда.

Я вернулся в прихожую.

– Положите руку сюда.

В декоре стены возле двери выделяется темная каменная плитка, если бы мне не показали, я бы и не заметил. Приложил растопыренную ладонь, инквизитор припечатал поверх своей сухой кистью с длинными тонкими пальцами. Рука не то музыканта, не то взломщика. В ладонь почти неощутимо кольнуло, как электричеством.

– Все, дверь вас запомнила. Теперь вы сможете открывать ее двумя способами – туда и сюда. Это требует небольшого ментального усилия, но вы глотите, для вас это не составит труда. Такой локальный и специфический кросс-локус, если угодно.

– Очень любопытно, – вежливо сказал я, – но вы говорили о каком-то предложении?

– Это оно и есть. Я предлагаю вам с семьей переселиться сюда. Сохранив все удобства проживания в Центре, вы будете недоступны для поиска. Вас не смогут, например, найти и похитить. Вас и, разумеется, ваших детей.

– Скажите, – внезапно решился я, – а вы тоже считается, что один из них, ну...

– Искупитель?

– Да.

– Ну почему же «один»? – рассмеялся представитель Конгрегации. – Почему не трое разом? Это вполне может оказаться коллективным феноменом...

– Вы серьезно?

– Я не скажу вам ни «да» ни «нет». Не потому, что хочу вас помучить, а потому, что мы не исключаем никаких вариантов. Генезис Искупителей никому не известен, они, как вы наверняка догадываетесь, появляются не настолько часто, чтобы вести статистику. Честно скажу – нас бы вполне устроило, если бы это оказались ваши дети. Один, два, все трое – неважно. Просто для определенности. Но если это и не так, то их судьба в любом случае с ним связана. Вас не оставят в покое.

– Не самая приятная перспектива.

– Понимаю.

– Вряд ли. Не вам придется остаток жизни прятаться самому и прятать детей. Сидеть в вымершем городе как мышь под метлой, бегать, озираясь, за продуктами... Кстати, на что нам жить?

– Разумеется, Церковь не оставит вас без помощи, – обнадежил инквизитор. – Мы же Церковь Искупителя и странно было бы не позаботиться о том, кто им, возможно, станет. Мы увеличим пособие, которое получает ваша семья, и ваши лекции, Артём, тоже будут востребованы. Это не подачка, ни в коем случае! – поспешил он сказать, заметив мою реакцию, – Вы действительно хороший лектор, детям нравится. Ваши рассказы о Мультиверсуме звучат как приключенческий роман. Это их мотивирует. Завтра утром ждем вас в Школе. Зайдите к ректору, он поставит вас в учебный план. И да – этот дом отныне ваш, я дал вам приоритет. Вы можете дать право прохода всем, кому хотите и даже отозвать моё. А теперь пора вернуться в больницу, думаю, ваше семейство готово к воссоединению с мужем и отцом...

Остаток дня прошел суетно – я забрал своих женщин и детей, пытаюсь привыкнуть к тому, что их так много. В коттеджике сразу стало тесно, особенно с учетом Насти и Эли. Настя – отдельный разговор. Девочке сильно досталось, но, насколько я знаю, для корректоров это история типичная. В Школе умеют работать с подростками, ставшими Немезидами Мироздания. Только на то и надеюсь. Итого у меня теперь четверо детей и Эли. Эли, впрочем, прилипла к Меланте и никого, кроме нее, не замечает вовсе. Когда вечером Зеленый зашел узнать, не нужно ли чего, она ненадолго на него отвлеклась. Подбежала, торопливо, как бы извиняясь, обняла, и убежала обратно к кровати Меланты, возле которой дежурила, улавливая малейшие пожелания рыжей кайлитки. Горянка уже скакала по дому, как их знаменитые козы, и не скажешь, что рожала вчера. Алистелия тоже отправилась на кухню, отмахнувшись от моего «не надо, я сам», а Меланта продолжала лениво валяться, иногда кормя дочь веснушчатой грудью. Пеленки и то Эли меняла.

– Надо же, – удивился Зеленый, глядя как Эли мухой летит на кухню, чтобы заварить чай, качает кроватку ребенка, поправляет подушки и так далее, – а мне за все время воды стакан не подала.

– Эли – кайлитский эмосимбионт, – внезапно ответила ему Меланта. – Они созданы для нас. Для веселья, любви и помощи. Для секса. Для игр. Для полноты семьи. Не обижайся на нее. С людьми ей тяжело, как с вам с глухонемыми.

Да, Сева, вроде бы, что-то такое говорил. Причем и про Меланту тоже. Если им вдвоем легче переносить меня – то почему нет?

– Когда-то их производили для нас в биолобораториях среза Эрзал, там же, где создали Алистелию, – Меланта без всякого стеснения ткнула в ее сторону пальцем. – но это было давно. Я уже не застала.

Блондинка как будто сжалась и снова уставилась в пол фиалковыми глазами. Кажется, ей было неприятно это напоминание.

– Эрзал долго был домом для кайлитов, многие из нас погибли с ним. Оставшиеся... Ладно, что об этом вспоминать? Жизнь продолжается, правда?

Меланта весело улыбнулась, и всем сразу захотелось улыбаться ей в ответ.

– Как назвали-то? – спроси Зеленый, прощаясь в прихожей.

– Никак, – развел руками я. – Все три считают, что должен назвать отец. А у меня полнейший ступор.

– Сочувствую, – покивал Зеленый, – мы младшему девять месяцев придумывали, все перебрали. А тут сразу три. Голову сломаешь. Настя как?

– Не очень. Завтра отведу ее в Школу, там ей помогут, я надеюсь.

– Я так понимаю, на дирижабле тебя пока не ждать?

– Так и вы, вроде, никуда не собираетесь?

– Как знать... Ну да по ходу разберемся. Отдыхайте. Завтра с переездом поможем. Святцы тебе на ноутбуке поискать? Ткнешь мышкой не глядя, будут у тебя Капитолина, Амнеподиста и Акакий...

– Иди к черту, не смешно!

– Привет, пап.

Настя сидит на кухне, смотрит синими глазами в чашку давно остывшего чая.

– Как-то глупо все вышло, да? – она не поворачивается ко мне, как будто стесняется. – Не так я себе все представляла тогда, в Коммуне. Ты прости меня. Зря я все устроила.

– Мне не за что тебя прощать.

– Есть. Это ведь я...

– Хватит, – я положил ей руку на худое острое плечо. – Если есть – то я тебя простил. И ты меня прости, если есть за что. И на этом закончили счета. Давай не будем меряться глубиной совершенных ошибок, ладно? Я все равно выиграю, у меня большая фора по возрасту.

– Ладно, – сказала она неуверенно, – просто я чувствую себя таким говном...

– Это нормальное состояние нормального человека, – заверил я ее, – периодически чувствовать себя говном. А иногда и быть им, увы. К любому на улице подойди, скажи ему: «Экое ты говно-то!» – и он будет точно знать, что заслужил. Хотя и не признается, конечно. Вот и ты не признавайся. Ну, разве что мне. Мне – можно.

– И что мне с этим делать?

– Отрефлексировать и жить дальше. Можно поплакать. Только чай допей сначала.

– Почему?

– Чтобы обезвоживания не было. Если ты собираешься за раз выплакать все несовершенство мира, то жидкости на это уйдет много.

– Да ну тебя, пап... – Настя отмахнулась сердито, но и тень улыбки я на лице заметил. Оттаивает Снежная Королева.

– Я вот тебе что советую, – я понизил голос для значительности, люди с большим доверием воспринимают то, к чему надо прислушиваться. – Прямо сейчас, не раздумывая, скажи – что тебя больше всего напрягает. Не вообще, в себе и мире, а вот в эту минуту и тут. Только вслух скажи, это важно. В голове запутаешься.

– Мне... Мне очень странно, что ты... Что они... Что здесь...

– Не нервничай, говори, что думаешь.

– Ладно, – решила она. – Мне приятно, что я могу говорить тебе «папа». Мне всегда хотелось это кому-то говорить. У меня прям такое чувство, когда я произношу это слово, как будто щекотно внутри. Но у тебя есть настоящие, твои дети. У тебя семья, тебе надо о них всех заботиться, а тут еще и я такая, со своим «пап, пап»...

Вот так, ждешь метафизических откровений, а у ребенка обычная детская обида на рождение младшего. Младших.

– Посмотри на это с другой стороны, – мягко сказал я, – не у меня новые дети и семья. У нас. У тебя. У тебя – семья. Три мамы, две сестры и братик. Это ведь куда круче, чем просто «пап».

– Да кто я им...

– А вот и нет. Даже не начинай. Ты просто не успела с ними познакомиться. Для них ты моя дочь, а значит родной человек. Это настолько естественно, что даже и обсуждать тут нечего. И Меланта, и Алистелия, и...

– Таира. Меня зовут Таира, – сказала, входя на кухню, моя «ойко». – Ты моя дочь. Ты наша дочь. Я убью за тебя и умру за тебя. Так же, как за сына. Как за твоих сестер.

– Спасибо... – растерялась Настя.

– За это не благодарят, дочка. Это жизнь. Твои сестры и брат вырастут, зная, что у них есть сестра. Они будут любить тебя и бесить тебя. Это твоя семья, привыкай. Она уже есть, даже если ты не поняла. Поймешь.

Таира важно кивнула и ушла, оставив нас вдвоем.

– Я... Я не знаю, что сказать, – обхватила тонкими руками белобрысую голову Настя.

– А и не надо. Сейчас иди спать. Завтра новый день и даже, в каком-то смысле, новая жизнь. Оставь все проблемы в сегодня. Тебе кровать выделили уже?

– Я отведу ее, муж мой, – подошла Алистелия, – я постелила наверху, в мансарде. Кровати нет, но матрас мягкий. Пойдем, дочь моя. Я уложу тебя спать.

И они ушли. Ну и мне пора. Это у нее завтра новая жизнь, а с меня проблем старой никто не снимет.

Глава 2. Зелёный. «Здравствуй, жопа, мымбарук!»

– Как там наш штурман? – спросил Иван

– Погряз по уши в полигамии, – ответил я.

– Завидуешь?

– Черта с два. Но Эли у меня увели, факт. Хотя, конечно, ей там лучше, – добавил я предусмотрительно, увидев входящую в кают-компанию жену.

– Надо им помочь, – сказала она, – первые дни после родов тяжело, да и потом... Гормональный откат и все такое. Вам лучше не знать.

– Им дом какой-то выделили в городе, что-то ним сложное, он долго стоял пустой, – рассказал я. – Думаю, надо завтра взяться всеми. Мы с Иваном наладим там всякое – трубы, электрику, а вы со Светой приберете, окна помоете, пыль стряхнете... Сможете?

– Конечно, – кивнула жена, – устроим субботник.

Она налила молока для сына и ушла обратно.

– Так что, день теряем? – спросил Иван.

– А куда деваться? Нам нужен Артём, а ему надо устроить семью.

– Время уходит...

– Сам знаю.

Мы бы обошлись без Артёма, я более-менее освоился с навигацией дирижабля. Не так уж это и сложно. Однако на сей раз нам нужен именно оператор с планшетом. Вчера мы с Иваном ковырялись в мораториуме – устройстве, создающем временной лаг и, как результат – непреодолимый для большинства барьер вокруг Центра. Что из этого было основной задачей, а что побочным действием – сказать трудно. В любом случае, теперь он не работал. Как объяснил нам представитель Конгрегации – весьма ушлый мужик того неопределённого возраста, который выдает потребителей Вещества, – они отчего-то не считали нужным его охранять. Им даже в голову не приходило, что он кому-то помешает. Хотя никакая охрана бы и не помогла – в него пальнули из тяжелой винтовки издали. Пуля повредила механизм – и барьер пал. Хорошо, что без катаклизмов. Плохо, что мы с Иваном, как не ломали головы, так и не поняли, как эта штука вообще работала. Его эмпирическим навыкам работы с артефактными механизмами не хватает теоретической основы, а я вообще только шестеренки разглядел. Но шестеренки интересные. Несколько часов ковыряния, попыток покрутить вручную, анализа головоломной механики и осторожных подходов к крепежным узлам, и я понял, как это собрано. Не понял, зачем. Сам механизм вращения, хотя и сложный, вполне укладывается в инженерную логику – если вы не ищите простых путей и не любите электричества. Очень надежный и высокостабильный, обеспечивающий чрезвычайно ровное движение и саморегулирующийся через целую систему механических обратных связей. Они, как я понял, должны компенсировать любые изменения внешних факторов – температуры, влажности, уровня энергии и чего-то, связанного с той штукой, на которой он водружен. Черный цилиндр, похожий на сильно подросший репер. Эта часть осталась для нас загадкой – механизм получал от цилиндра энергию для вращения, по темным диэлектрическим шинкам, как в дирижабле, но он же как-то и воздействовал на него своим замысловатым исполнительным механизмом. Тем, где черный шар, зажатый в резной бронзовой обойме, проходит сквозь белое кольцо, несмотря на то что закреплен на сплошной тяге. То есть, по заверениям тех, кто видел мораториум в работе – проходил. Хотя никак не мог. Спасибо Сене – художнику странному парню, которого я когда-то давно видел с Македонцем, а теперь встретил здесь. Он как-то со скуки снял работающий механизм телефоном на видео. Сам не может объяснить зачем – просто привычка из прежней жизни. Телефон дешевый, кар-

тинка дрянная, но, скачав на ноутбук и развернув во весь экран, я просмотрел стоп-кадрами, наделал скриншотов, и, не то, чтобы понял, но хотя бы представил себе, как оно было.

– Вы почините эту хрень? – спросил Сеня, – А то Иришка жалуется, что у них с башкой плохо становится.

– У кого, у «них»? – спросил я, увеличивая изображение на экране.

Не помогло – пикселяция только лезет.

– У корректоров. Мораториум защищал их от какой-то херни, идущей из Мультиверсума. Синеглазые к нему чувствительные, как канарейки. Теперь у них депрессии и вот это всё. Иришка и так нервная, а сейчас злится или рыдает от любой ерунды. Я аж подумал сначала, что залетела...

– Испугался? – спросил я рассеянно, прокручивая видео туда-сюда.

– Обрадовался. Но и испугался тоже. Обрадовался, потому что думал, что она, может, нормальной станет. Испугался, что ребенок таких уродцев, как мы с ней, черт знает какой выйдет. Но нет, хрена с два. Она все еще корректор. А это ж такое дело...

– Какое?

– Конечно. Они же как? Либо помирают, либо в конце концов в Хранители подаются. Ирка, вон, таскается уже с таким, в балахоне. Глядишь, и сама скоро станет. «Впустит в себя Мультиверсум», как они говорят. Знаю я, что она в себя впустит... И нафига я тогда нужен буду? Вот так и живу с ней, зная, что ненадолго это все... А теперь еще и мораториум сломали. Убил бы ту падлу...

Так он это спокойно, но веско сказал, что я отчетливо понял – не фигура речи. Убил бы. Странный парень.

– Вот! – наконец-то нашел, то, что искал, я. – Иван, иди сюда, глянь!

Капитан долго рассматривал узел, который я высмотрел на видео. Ракурс на съемке неудачный, виден он сбоку и буквально полсекунды, но...

– Да, эту херовину и выбило, ты прав. То-то мы ее не нашли, она на вид как бы не стеклянная. Ее пулей, поди, в пыль разнесло.

Выстрел, сделанный, судя по нанесенным повреждениям, с балкона одного из окружающих площадь зданий, был всего один. Иван предположил, что из крупнокалиберной снайперской винтовки, калибра 12,7. Тяжелая пуля перебила тягу, выломала регулировочный балансир и уничтожила деталь, от которой осталось только пустое место на оси, и которая, судя по всему, и обеспечивала невозможное с точки зрения классической механики прохождения шара на палке через сплошное кольцо. Тягу и балансир мы могли заменить, изобразив УИНОм из любой подходящей железяки. Деталь, представляющую собой сложной формы полупрозрачный диск с отверстием в центре и вырезами по краю – нет. Это явно «артефактный объект», такое из стеклянной тарелки не вырежешь. Мы разом вспомнили, что в Библиотеке есть нерабочий мораториум. Была ли там нужная деталь – черт его знает, мы не приглядывались. Но шанс не нулевой.

Однако идти в Библиотеку нужно через реперы, а м-оператор наш завален грудой жен, младенцев и бытовых проблем. Так что делаем все последовательно.

Сегодня днем мы исполняли представительские функции – катали церковников на дирижабле. Вокруг города. Облетали поселки в окрестностях. Церковники снисходили на трап, собирали народ на площади и толкали речь. Впрочем, при виде этакого летающего недоразумения, люди собирались сами, в чем, видимо, и был смысл нашего участия. Ну и для солидности, конечно. Я быстро сообразил, что местная экономика построена по принципу некоего вассалитета, где город является центром власти, а окрестности обложены материальной данью и трудовой повинностью. Видимо, повинность посильная, дань умеренная, а размер компенсации соответствует, поскольку никакого механизма принуждения я во взаимоотношениях не уви-

дел. Думаю, источником легитимности Центра является технологическая монополия Церкви – в всяком случае линии электропередач расходятся из города звездой, но поля крестьяне пашут гужевой тягой. С профессиональной точки зрения мне любопытно, как они это балансируют, но не настолько, чтобы устраивать расследование. Тем не менее, в кризисные моменты властный центр как никогда нуждается в подтверждении авторитета и права на власть, и тут наш дирижабль пришелся весьма к месту. Прилететь речи толкать куда круче, чем прийти или даже приехать. Сразу ставишь себя над толпой, в том числе и в буквальном смысле.

Речи, отбрасывая всякое дежурное «взвейтесь-развейтесь» и «грядет-покайтесь» сводились к обычному кризисному послы: «у нас временные трудности, поэтому вам придется затянуть пояса». Военный налог и рекрутский набор. Все как у людей. Город нуждается в защите от злых захватчиков, организуется вооруженное ополчение, общинам следует обеспечить то и предоставить сё. Общины чесали в затылках и не очень радовались, но, насколько я мог судить, были склонны войти в положение. Похоже, про Комспас они слышали и побаивались, а к центральной власти системных претензий не имеют. Впрочем, если кризис затянется, то все может поменяться. Всегда меняется.

В награду за прогулку нас обеспечили продуктами и отсыпали местных бумажных денег. Я пока не понял покупательного эквивалента, но, кажется, заплатили неплохо. Наши жены, разведав рынок и магазинчики, заверили, что питаться на эту сумму мы можем долго, и тут же закупили себе платьев и шляпок в местном нуарно-модерновом стиле. «Чтобы не выделяться» – скромно сказала мне Ленка и убежала к Светлане мерять. И это, как я понял, только начало – они уже нашли каких-то портних и модисток, потому что «готовое платье – это не то, тут так не принято». Поди ж ты, аристократки какие. На нас с Иваном тоже покушались, но мы наотрез оказались от строгих, но неудобных здешних костюмов. По крайней мере пока. Думаю, если мы тут задержимся, то в конце концов придется соответствовать. По косвенным признакам судя, общество тут ненавязчиво-сословное, во всяком случае сходиться в приличный ресторан в джинсах не получится. А женщины, обзаведясь нарядами, непременно потребуют их выгуливать, причем так, чтобы им не было за нас стыдно.

Но это если задержимся. Мы пока не принимали никаких поспешных решений. Мутный хитрожопый дядька от Конгрегации сходу предложил нам обзавестись домами. На правах недорогой аренды с правом выкупа. Чувствуется, что наша лояльность местным силам весьма пригодится – дирижабли на земле не валяются, а если все-таки валяются, то и толку от них уже никакого. У них явно большие планы, осталось понять, насколько нас эти планы устраивают. Болтаться в небе, как говно в проруби, можно долго, но без внятной цели это лишено смысла. Если сойдемся с Церковью в постановке задач – то домами они от нас не отделаются. Домов тут, судя по всему, избыток, перенаселением город не страдает. Но мы пока на дирижабле, тут каюты большие и комфортные, а в случае чего – только рычаг повернуть, и мы над Дорогой. Ищи-свищи.

Так что пока взяли разовый подряд – попробовать починить мораториум. Сразу объяснив, что мы не сервисная служба ремонта Великих Древних Артефактов. То есть, ничего не гарантируем. Но попробуем. А что вам терять-то? Он так и так уже не работает, а как его чинить вы не знаете. Хуже всяко не сделаем. И еще подумаем, что с вас за это поиметь, потому что мы не за идею, нам семьи кормить надо. Одни коты знаете сколько жрут? Ужас вообще.

Пока от нас отделались заверениями в глубочайшей поддержке и полнейшем сотрудничестве, но мы их еще пощупаем за вымя.

С утра планы поменялись. Артем заявил, что переезд в новый дом подождет, а мораториум – это срочно. И женам надо после родов передохнуть, а не кидаться обуустраивать новый быт, и вообще – что значит его личный комфорт на фоне проблем Мультиверсума? Я сначала удивился, чего это он так зашпешил, а потом увидел Ольгу. Рыжая явилась к нему домой и теперь семейная ситуация нашего штурмана искрила, как кот, скребущий в эбонитовом лотке. Артем нервно озирался, Ольга невозмутимо пила чай, Настя сверлила ее синими глазами, а жены со сложными лицами нарезали вокруг странные траектории. Товарища надо было спасать, и я немедленно подтвердил, что да, Мультиверсум не ждет, Мироздание в опасности, Вселенная ждет от нас подвига и все такое. Какая-то труба куда-то зовет.

– Я с вами! – немедленно завила Ольга тоном, не допускающим обсуждения.

– Я уже открыл рот, чтобы сказать «схуляли, гражданочка?», но поймал умоляющий взгляд Артёма и закрыл его обратно.

Да черт с ней, пусть прогуляется. Я бы со своей семьей ее тоже не оставил. А вот Ивана я все-таки от участия отговорил. Должен быть на хозяйстве кто-то вменяемый. Что случись – он примет на борт всех наших и свалит.

Так что вышли втроем.

– Готовы? – спросил Артём, вглядываясь в свой планшет.

Я попрыгал, пару раз присел, привыкая к новому снаряжению. Ольга оказалась полезной спутницей – достала на всех операторские комплекты Коммуны.

– Представительство Коммуны в Центре поделилось, – сообщила она небрежно.

– И давно оно тут? – напрягся Артём

– Уже полсуток. Обуустраиваются.

Да, рыжая, оказывается, времени не теряла. Пока мораториум не работает и путь открыт, ее ведомство уже тут корни пустило. С другой стороны – а почему нет? Тут всякой твари по паре, пусть и Коммунары сидят. На то он и Центр.

– Готов.

– Готова.

– Поехали.

Разобраться со снаряжением времени не было, но базовый инструктаж я прошел. Так что чеку спасжилета выдернул всего на секунду позже опытных спутников. Вынырнул, отфыркался, проматерился, огляделся.

Нас, как три поплавка, неспешно влекло течением широкой реки... Стоп. Не реки. Вода соленая – сообразил я, отплевавшись. Это какой-то пролив или фьорд, а тащит нас то ли отливом, то ли приливом. Лучше бы приливом – он к берегу, а не наоборот. Течение сильное, грести против него без толку. И не удивительно – висящая над горами Луна визуально раз в пять больше нашей, так что и приливы тут должны быть ого-го. Если это вообще Луна, а не иное какое небесное тело...

Мы подгребли друг к другу и состегнули разгрузки карабинчиками на шнурках, чтобы нас не разнесло в стороны. Вода не то чтобы ледяная, но и далеко не теплая, так что никакого удовольствия от купания я не получил. Сначала вроде ничего, терпимо, но чем дальше, тем больше замерзаешь. Если проторчать в ней долго, то переохлаждение со всеми его последствиями гарантировано.

– Вон там отмель, или что-то вроде неё, – сказала Ольга, – попробуем зацепиться.

У нее уже губы синеют, масса тела-то поменьше.

– Давай, Тём!

Артём вытащил из разгрузки полуметровую алюминиевую трубку с утолщением, навел на берег и, откинув предохранительную скобу, нажал спуск. Негромко хлопнуло, и небольшая

«кошка» полетела по дуге, раскрываясь в полете и разматывая тонкий тросик. О, а у меня такой штуки в комплекте нет. Наверное, одна на группу.

– Есть зацеп! Тянем!

В шесть рук бодро вытащили себя на отмель и, обтекая и хлюпая, добрались до сухого места. «Кошка» удачно зацепилась за толстое высохшее дерево, которое мы разделили УИНами на дрова. Идти дальше насквозь мокрыми как-то глупо.

Тут ночь, но из-за огромной Луны почти светло, так что костер не помешал нам заметить движение. На берег вышла крупная белая коза. За ней еще одна, и еще. Итого – три. Две белых и пятнистая. Они невозмутимо принялись объедать какой-то чахлый куст, не обращая на нас ни малейшего внимания.

– О, мясо! – сказал Артем, – Оль, может завалим?

Сам он, видимо, своим стрелковым навыкам не слишком доверял, хотя автомат после купания все-таки разобрал и протер. Чему-то жизнь научила. Наши с Ольгой электрические винтовки в выключенном состоянии герметичны и в обслуживании не нуждаются

– Охота тебе возиться? У нас пайки есть. Сейчас супчик сварим, согреемся. А ее раздирать, жарить...

– Эй, вы, охотники, – сказал я, приглядевшись, – это не дичь, а домашняя скотина. Не надо покушаться на чужую собственность.

У коз на шеях оказались тонкие ошейники, как у собак. Похоже, срез населен – не сами же они их натянули?

– Сазван даро, купотерас?

Девушка довольно симпатичная – стройная, крепкая, с длинными черными волосами, – но ружье у нее просто чудовищное. Дульнозарядная мортира какая-то. В ствол кулак влезет, замок кремневый, весит, небось, как станковый пулемет. Но держит уверенно. Если там картечь, то она нас сметет в море одним выстрелом, всех троих.

– Су копоре, ойко! – сказал ей, неуверенно выговаривая слова, Артем.

– Ойко? Комердрашет кулодома ойко! Ойкомерет! Хергенранш!

Девушка даже топнула ногой от злости. Я нервно вздрогнул – вот соскочит сейчас спуск этого мушкета и полетят клочки по закоулочкам...

– Ты чего ее дразнишь? – недовольно спросила Ольга.

– Я не дразню. Я вообще больше ничего на языке Закава не знаю! Это мне жена сказала.

– Так мы в горах Закава? – удивилась Ольга.

– Она похожа на мою жену, я предположил, что...

– Хур дерада закава мирд! – прервала его девушка. – Это моя козы есть! И для ты не «ойко», хуррезавад! Я вас убивай!

– Что такое «хуррезавад»? – тихо спросил я.

– Без понятия, – признался Артем.

– Это есть человек, неправильно любить коз, – охотно пояснила девушка.

– Этот хуррезавад не хотел тебя обидеть, – сказал я примирительно, – не надо нас убивай.

Он просто выпендривался, как будто язык знает.

– Я знать ваш язык много, – гордо заявила девушка, – меня один покупай за три козы двое! Я и сестра! Этот козы! В другой мир продавай, мы учи язык. Козы дай, сам не приди. Глупый покупай!

– А где сестра? – спросил я, опасаясь, что на нас откуда-нибудь сзади наведена еще какая-нибудь пищаль.

– Она есть тут!

Из-за камней вышла девочка, лет десяти на вид, в сером шерстяном длинном платье с обильной вышивкой. Очень похожа на сестру, такая же смуглая, черноглазая и чернявая, только ростом ей по подмышку. Без ружья – да и не удержала бы она эту железку.

– Привет, – сказал ей Артём.

– Парривет, – откликнулась она, блеснув глазами, – у вас есть сладкий еда? Который покупать, давал нам сладкий еда! Говорить – у ваших всегда быть!

Она смешно облизнулась острым язычком и уставилась на нас в ожидании.

– Есть, – сказала Ольга, доставая из рюкзака два шоколадных батончика. – Только ружье опустите.

– А вы не трогай коза?

– Нет, мы не трогай коза, – очень серьезно сказала Ольга.

Сестры непринужденно уселись у костра и захрустели батончиками. Я аккуратно отставил их ружье подальше, чтобы случайная искра на полку не попала, но они даже внимания на это не обратили.

– Сладкий еда! – торжествуя сказала младшая, облизывая измазанные шоколадом пальцы, – у нас нет такой еда.

– А какая у вас есть? – спросил любопытный Артём.

– Коза молоко, – начала перечислять, загибая тонкие пальчики девочка, – коза сыр, коза мясо – когда коза старый и умирай, или когда на нее камень с гора упади. Кукуруза хлеб. Кукуруза каша. Кукуруза каша с коза молоко. Кукуруза каша с коза сыр. Много разных еда! Сладкий еда нет...

Она печально вздохнула, еще раз на всякий случай облизав пальцы, и жалобно уставилась на Ольгин рюкзак. Рыжая покачала головой, но достала еще два батончика. Девочки радостно захрустели.

– У вас красивый женщина, – доверительно сказала мне старшая, – а нас такой две коза просят, но с красный волос нет. Я тоже красивый, – с гордостью добавила она – но не такой. Три коза за две с сестра.

– Ты ценный кадр, оказывается, – сообщил я Ольге.

Та только фыркнула. Наша одежда сохла у костра и ее достоинства были несомненны. Я бы за такую и три козы не пожалел.

– Хорошо, когда женщин красивый, – сказала девушка, – от нее дети хороший потом.

Ольга повернулась спиной к костру и стала смотреть на прибор. Спина замерзла?

– Плохо, что у вас один женщин для два, – развивала свою мысль горянка, – как узнать, чей дети?

Ольга, не поворачиваясь, дернула голыми плечами. Мы с Артемом переглянулись.

– Один мужчин, два женщин – хорошо. Один женщин, два мужчин – совсем плохо. Один женщин, один мужчин – тоже нет хорошо. Когда женщин будет с ребенок в живот – кто мужчин писька давай?

Простые тут у них нравы, как я погляжу. И Артем с такой живет?

– С ребенок нельзя писька давай, – снисходительно, как детям, объясняла нам девушка, – ребенок умирай и женщина умирай тоже. Наш мама так умирай, ее чужой мужчина поймай в горы, она говорить, что ребенок в живот, он не слушай. Потом кровь течь, мама умирай.

– Какая жалость, – расстроился Артем.

– Ничего, она быстро умирай, три дня всего. Сестра маленький совсем быть, я ее от коза сиська корми потом. Вам еще женщин нужен, а то совсем плохо один женщин два мужчин. У женщин писька уставай быстро.

Горянка уставилась на меня в ожидании ответа, но я не сообразил сразу, к чему она ведет. Пришлось ей, со вздохом, объяснить.

– Я говорить – меня бери. Тот покупай коза дай, и пропади. Давно пропади, весна почти проходить. Я ничей теперь снова. Я и сестра. У вас три коза есть?

– Нет, не запаслись мы тремя козами, извини.

– Ладно, – ответила она, подумав, – два коза давай. Или один коза, но без сестра. Уже есть три коза, ничего.

– А как же сестра без тебя?

– У нее же четыре коза будет! Но лучше ты два нас бери.

Она обращалась ко мне, видимо, считая, что я старший в нашей, по ее представлениям, семье.

– Она маленький и сиська нет совсем, но скоро-скоро сиська расти. Мало жди, будет красивый сиська, большой, как моя.

Она начала расшнуровывать лиф платья, видимо, собираясь продемонстрировать товар.

– Хватит вам, – повернулась к костру сердитая Ольга. – что вы пристали к детям?

Можно подумать, это мы им себя продаем.

– Глупый женщин, – печально констатировала горянка, – красивый, но глупый. Злой слова мужчина говори. Мужчина за такое лицо бей, жопа бей, синяк потом ходи. Мы не такой. Берете с сестра? Мы не такой красивый, волос не красный, но знай как женщин себя веди!

– Вот, учись, – укоризненно сказал я Ольге. – А то совсем разболталась. Будешь жопа синяк ходи!

Горянка закивала, подтверждая мою правоту. Ольга злобно фыркнула и, сняв с рогатины просохшую майку, начала одеваться.

– Нет, барышни, – ответил я девушкам, – вы, конечно, очень прекрасные, я бы за вас три козы не пожалел, но нет у нас коз. В походе мы.

– Вы не за жена тут? – заметно расстроилась горянка.

– Нет, не за женами. Дела у нас. А так бы, конечно, вас выбрали, не сомневайтесь.

– А что тут делать, если не за жена? Закава ничего нет! Мало-мало горы, много-много вода. Мало-мало коза, много-много женщина. Мужчина почти нет, мужчина приходи, жена покупай, писька трахай, уходи. Потом умирай. Дети родись, потом тоже умирай.

– Закава жизнь плохой, сладкий еда нет, – подтвердила младшая, умильно косясь на Ольгин рюкзак.

– Мы дадим вам сладкой еды, – сказал я, – если вы нам поможете. Мы ищем... Черный такой цилиндр.

Я изобразил руками нечто цилиндрическое. Мне очень не хотелось думать, что выходная точка окажется где-нибудь под водой.

– Репер? – деловито уточнила девушка, – чужой люди туда-сюда ходи, жена покупай, мужчина для убивай найми?

– Именно! – обрадовался я, – вы знаете, где он?

– Мы знай! Репер-деревня ходи, там все продавай, камень-репер стой, кросс-локус ворота открывай!

– И где это прекрасное место? – воодушевился я.

– Тут недалеко, через горы вверх-вниз три день ходи.

– Три дня?

Девушка закивала.

– Как-то странно, – недоверчиво сказал Артем, вроде не очень он далеко, я его даже чувствую чуть-чуть.

– Прямой дорога нет, – пояснила горянка, – гора вверх иди, перевал иди, гора вниз иди.

– Печаль, – признал я, – на три дня мы как-то не рассчитывали.

Понятно, что переходы непредсказуемы, но цепочка выглядела короткой и довольно простой. Мы думали за сутки туда-сюда уложиться.

- Есть короткий дорога, – сказала младшая сестра.
- Это плохой дорога, – возразила ей старшая.
- А чем плохая? – спросил Артем.
- Пещера, там мымбарук живет. Сильно злой этот мымбарук, совсем беда.
- Что за мымбарук такой? – поинтересовался я, но девушки не могли объяснить. Не знали подходящих слов. Изображали руками и лицом что-то зубастое и хищное, но какой конкретно зверь имеется в виду – непонятно. Злой мымбарук и все тут.
- Из твоего ружья его убить можно? – решил я выяснить главное.
- Моя не знай. Если в голова ставь и стреляй, то голова сломайся. Я думай так. Но пещера темный, тяжело в голова ставь. А в жопа не убей, жопа у него толстый.
- Одолеем злого мымбарука, как думаете? – спросил я своих.
- Три дня по горам ноги бить неохота, – сказала Ольга.
- Я бы рискнул, – осторожно поддержал ее Артем. – Страшно своих на три дня оставить.
- Ладно. Где там ваш мымбарук?
- А сладкой еды дадите?

Пещера злого мымбарука оказалась недалеко. Обсохнув и одевшись, мы добрались туда минут за десять карабкания по узкой каменистой тропе. Младшая сестра, забрав коз и три батончика «сладкой еды», отправилась вовсю, тщательно проинструктированная старшей на случай, если «мымбарук моя съесть». Судя по жестам, устное завещание касалось в основном коз – как сберечь этот семейный актив и как его правильно инвестировать в личное будущее.

Вход обнаружился в расщелине между скал. Достаточно большой, чтобы туда пролез... ну, не знаю, хорошо откормленный медведь. Медведем, впрочем, не пахло. Вообще звериного запаха не чувствовалось. Из пещеры довольно отчетливо тянуло тленом и гнилью, каким-то неприятным зловонием, но без запаха хищника. Мы с Ольгой зажгли подствольные фонари на своих винтовках и переключили прицелы – она в режим «биорад», я – в тепловой. Вместе мы должны были разглядеть любого мымбарука раньше, чем он увидит нас. В теории. На практике, животное, предпочитающее темные пещеры, обычно встречает гостей нюхом и слухом. И с этим мы ничего поделать не можем – тянувший внутрь ветерок уже наверняка донес запах явившегося завтрака до самых отдаленных уголков. Артема с его автоматом и горянку с ее монструозной аркебузой поставили в тылу, причем ружье ее я, проигнорировав бурные протесты, разрядил. Вынул кремень из зажима замка и сунул в карман. Очень уж не хотелось получить заряд рубленой свинцовой картечи в задницу, если она этой штукой случайно заде-нет за стену.

- А если мымбарук вас убивай? – возмутилась она. – Как я за вас отомсти без ружья?
- Если мымбарук нас убивай, ты быстро-быстро беги назад. Пока он нас будет есть, как раз добежишь. А мстить за нас не надо, он все равно Ольгой отравится и сдохнет...

Пещера оказалась длинной, темной и извилистой. На каменном полу периодически попадаются свежие глубокие царапины. Я бы внимания не обратил, я не следопыт, но горянка заботливо их показала: «Мымбарук ходи, коготь цепляй!». Коготь у мымбарука знатный, мог бы составить ему карьеру в дорожных службах. Асфальт взламывать, пальчиком ковырять. Нервности обстановке добавляют периодические находки, в виде костей. Чьи кости, понять сложно, потому что разгрызены они в крошево. Зубки у мымбарука, похоже, не уступают коготочкам. Запах все нарастал и, когда он достиг концентрации уровня «вонница жуткая», мы нашли логово хозяина пещеры. Его несложно опознать по смрадным кучам костей и не менее смрадным кучам говна. Какой-нибудь зоолог наверняка опознал бы зверя по экскрементам, я же мог

только сказать, что кучи он валит здоровые. Куда тому медведю. Да и не стал бы медведь в своей берлоге гадить.

Мымбарук в логове отсутствовал. Очевидно, удалился на поиски пропитания. Ему, наверное, много надо, чтобы такую гору насрать. Мы предпочли тихо удалиться, оставив источник невыразимой вони за спиной, и уже начали надеяться, что счастливо разминутся с представителем пещерной фауны, но нет, это было бы слишком просто.

– Всем стоп, фиксирую движение, – тихо сказала Ольга.

Я на экранчике винтовки ничего не увидел и поспешно переключился с тепла на «биорад». Повел стволом и уловил смутный контур за поворотом пещеры. Крупный контур. Очень. Мымбарук ждет, когда мы повернем, чтобы сделать нам сюрприз. Приятный. Для него. Четыре готовых завтрака к мымбаручьему столу.

Мы прислушались – сидит тихо. Разве что поскребывает, вроде как, чем-то. Когтищами, небось, переступает в нетерпении. Сокращать дистанцию нам не хотелось, в ближний бой не рвемся. Нам бы его с дистанции расстрелять. Но и мымбарук не спешит подставиться под обстрел, ожидая, пока мы подойдем поближе. Позиционный тупик.

– Есть идеи? – спросил я тихо.

– Есть, – ответила Ольга.

Она вытащила из кармана разгрузки похожую на толстый болт с двумя головками светозумовую гранату М-84.

– Закрой глаза, открой рот и заткни уши! – сказал я торопливо горянке.

– Зачем?

– Просто сделай это!

Звякнула о камни предохранительная чека и рыжая с большой сноровкой задулила спецсредство вперед, с рикошетом от стены за угол. Я тоже зажмурился, прикрыл уши ладонями и открыл рот, запоздало думая, что мы понятия не имеем, насколько прочный у этой пещеры потолок и на обвалится ли он нам на головы от хлопка.

Не обвалился. Но по ушам дало здорово. Все-таки замкнутое пространство. Мымбаруку не понравилось. Он взревел – тщетно, его старания пропали зря, мы почти нифига не слышали. И он выскочил, чего мы, в принципе, и добивались. Но какой же он, падла, здоровый!

Признаться, я его толком не разглядел. В луч подствольного фонаря попали только зубы, и мне этого хватило, чтобы, не разглядывая остального, торопливо нажать на спуск. Зубы там оказались ого-го. С перепугу мне показались, что чуть ли не в руку длиной. Мымбарук после светозумки был оглушен и слегка дезориентирован и первым прыжком врезался в стену, давая нам возможность стрелять. Промахнуться в такую тушу в узком коридоре невозможно, и я успел сделать выстрелов пять, пока он не развернулся и не кинулся в нашу сторону. Ольга не отставала. Электрические винтовки с их чудовищной дульной энергией, надо полагать, шили серую тушу насквозь, от носа до хвоста, вот только толку от этого было немного. Мымбарук лишние отверстия в своем теле игнорировал. Если он потом и сдохнет от несовместимых с жизнью повреждений, то мы этого уже не узнаем, потому что до нас он доберется раньше.

– Тра-та-та! – добавил к нашим хлопкам автоматную очередь понявший, что дело плохо, Артем. Пули 7.62 канули в мымбаруке с тем же отсутствием внешнего эффекта.

– Еблысть! – метровый факел пламени, пушечный грохот, облако белого плотного дыма. Не успевший набрать инерцию мымбарук так и сел на жопу, мотая превратившейся в жеваную котлету мордой. Артём, прыгнув к нему, взмахнул активированным в красный режим УИНОм, и зубастая башка, съехав по идеальному срезу шеи, упала на пол. Лапы мымбарука подогнулись, он тихо осел на пол пещеры. Впрочем, нам теперь всё было тихо – картечный бабах из горской мортиры дал по ушам хуже шумовой гранаты, потому что готовы мы к нему не были.

– Что это? – заорал я, перекрывая звон в ушах.

– Запасной кремьень! – прокричала горянка. – Прости, я испугаться мымбарук, испортить вам охота! Я больше так не делать! Мымбарук сильно страшно!

– Ничего, я не в претензии, – я потряс головой, тщетно пытаюсь вытряхнуть заложенность ушей. Не помогло.

– Тогда можно я взять зубы? За них хороший цена!

– Бери, на здоровье.

Пока горянка, сопя, орудовала прикладом, с хаканьем и кровавыми брызгами вышибая мымбаруку клыки, мы осмотрели тушку. Больше всего похож на небольшого, но очень динозавристого ящера. Ну, как «небольшого»? Для динозавра, в смысле. Так-то на пару центнеров тянет. И зубы. Не в руку, как мне показалось, но в ладонь длиной. Конические, ящерные зубы. И когти – особенно на задних, более мощных лапах. Передние поменьше, но нам бы и их хватило. Когти девушка тоже ловко вырубает с лап большим ножом. Вся в крови и азарте, чумазая и довольная. Напоследок еще и кус мяса с хвоста откромсала. Хороший такой, килограммов на пять. Достала откуда-то кожаный мешок и упаковала трофеи.

– Мясо на жопа вкусный, – порекомендовала нам. – Но варить в трава надо, пахнет сильно.

Мы дружно решили воздержаться от кулинарных экспериментов. Артём, подумав, тоже врезал прикладом «калаша» по зубам мымбарука и подобрал зубик, которым пренебрегла горянка.

– Жене подарю, – сказал он смущенно. – Сувенир с родины.

– Заслужил, – признал я, – ты реальный джыдай сегодня.

– Как-то осенило вдруг...

До выхода из пещеры дошли минут за десять, а потом еще полчаса спускались по тропе вниз. За поворотом открылась деревня – пара десятков домов, сложенных из камней на глину. На круглой площади расположился рынок – несколько небрежно сколоченных из жердей прилавков с немудреной снедью – в основном перечная паста, лепешки и кукуруза во всех видах. Наша горянка сразу деловито потопала туда и гордо вывалила кусок жопы мымбарука. Седые морщинистые женщины в темных глухих платьях собрались вокруг, зацокали языками и забормотали, обсуждая, вероятно, утренние котировки фьючерсов на мымбаручатину. Там на жопе еще много мяса осталось, как бы не обрушила девушка рынок акций...

Рядом с прилавками располагается невысокий плетеный загон для коз, почти пустой, и навес из жердей и травы над лавочками. На лавочках сидят со строгими лицами девушки в вышитых шерстяных платьях. По большей части симпатичные, если не обращать внимания на некоторую грубость черт и обветренную кожу лица, но заметно уступающие нашей спутнице и ее сестре. На три козы за двух не тянут. Не элитный товар, а так, массмаркет, что и подтвердил менеджер торгового зала – худой и почти черный от загара дедок на деревянной от колена ноге и без половины левой руки. От предплечья вниз пристегнут ремнями примитивный протез – нечто вроде ржавой вилки на деревянном основании.

– Этот – коза за два! – показал он нам левую половину навеса. – Бери, недорогой женщин, но хороший! Каша варить, коза доить хорошо. Писька трахать можно, но сиська маленький.

Не заметив заинтересованности, перешел к товару получше:

– Этот две коза за три! Эй, не уходи, слушай! Смотри, хороший женщин, сиська большой, жопа широкий! Рожать будет, не умри!

Я молча покачал головой, оглядываясь в поисках репера. Девушки сидели, никак не реагируя на попытки продажи, глядели равнодушно в сторону.

– Не надо три? Кормить много? – по-своему понял меня продавец. – Бери один, за один коза. Хороший женщин, сам бы трахал такой! Смотри какой волос светлый, как у молодой кукуруза!

Он показал на девушку, сидящую отдельно. Видимо, лакшери-сегмент. Она действительно светлее остальных и черты лица тоньше. Похоже, метиска. Не блондинка, но светлая шатенка, почти русая. Не красавица, как по мне, тут и посимпатичнее есть, но, видимо, цвет волос перевешивает всё.

– Настоящий волос, не крашенный! – убеждал меня дедок, – на писька такой же! Будешь брать – покажу! Один коза всего!

– Да нет у меня коз, отстань!

– Так вот же коза! – сказал с удивлением продавец, показав на загон. – Покупай коза, меняй женщина! За коза беру патрон, нож беру, ружье беру, сладкий еда беру! Всякое беру, договоримся, эй!

Экие тут интересные бизнес-схемы, поди ж ты.

– Не нужно мне женщин, у меня жена есть.

– Один жена? – рассмеялся дедок, – что делать один жена? Один жена гордый, много себя думать! У нее голова боли, писька не давай, муж злой ходи! У меня четыре жена!

Дед гордо приосанился.

– Один старый совсем, коза паси, другой тоже не молодой, каша вари, дом убирай, вода носи, кукуруза поливай. Две молодой, красивый, дети рожай, сиська корми! Большой сиська! Фуй, один жена – все равно что не жена!

– Может в другой раз, – отмахнулся я, чтобы он отстал. – Мы в походе, нам дальше идти.

– Эй, так тебе не женщина, тебе мужчина нужен?

– Вот этого не надо тут! – начал сердиться я. – Что за дурацкие подначки?

– Мужчина, горец, воевать за ты? Мой сын совсем большой уже, хороший воин! Нож резать умей, ружье стрелять умей, рука-нога драться умей! Сильный, здоровый! Два волк один нож в этот зима убивай! Три человек ружье приклад голова бей, патроны береги! Имя никому еще не скажи, тебе скажи – твой человек быть!

– И сколько коз за такого просишь? – из чисто антропологического любопытства спросил я.

Интересно же, какой гендерный курс тут. Девушки на лавке переглянулись и заулыбались, прикрыв лица рукавами.

– Не говори плохой слова, – потемнел лицом дед, – я знаю, ты чужой, не понимай. Другой человек сразу убивай за такой слова! Ты сказать, мой сын как женщина, – за коза брать, как женщина трахать!

– Извини, я правда не знал, – развел руками я, – ничего такого в виду не имел. Первый раз тут.

– За сын ружье хороший давай, такой ружье давай! – он показал на винтовку.

– Ничего себе запросы! – поразился я.

Винтовки эти большая редкость сами по себе, да еще акк внутри.

– Эй, он с этот ружье за тебя стреляй! Хороший ружье, хорошо стреляй! Твой враг далеко мертвый упади!

Странно у них тут все устроено, однако.

– Хорошее предложение, – неожиданно сказала Ольга, прислушивавшаяся к нашему разговору. – Горцев осталось совсем мало, цены выросли. После коллапса среза здесь не только залило морем все, кроме высоких гор, но и мальчики стали рождаться гораздо реже девочек. Винтовка – это даже не плата, а подтверждение серьезности твоих намерений как нанимателя. Она остается у нанятого. Ты о нем заботишься, он убивает за тебя и умирает за тебя.

– Твой женщин красивый и умный! – закивал головой дедок, – волос красный, сиська большой! Хороший женщин! Берешь сын за ружье? Один женщин еще даром дам! Любой, кроме этот, с белый волосы.

Вот, уже скидки пошли и бонусы. Еще немного, и дисконтную карту оформят.

– Нет, извини. Не нужен мне воин. Я мирный человек.

– Горец с сомнением оглядел мое снаряжение, пропахшее мымбаруковой вонью и забрызганное его кровью. Да, по мне и не скажешь, верно. Я уже так привык изображать из себя крутого, что сам почти в это поверил.

– Ладно, – вздохнул он тяжело, – с белый волосы дам. Будет у тебя один жена с красный волосы, один с белый. Красиво будет!

Да уж, хорошо, что жена этого не видит.

– Я не торгуюсь, дед, – сказал я твердо, – мне действительно не нужно покупать людей. Не та ситуация.

– Плохо, – искренне расстроился он, – совсем торговля плохой стал. Сева пропал, дети не покупай. Комспас пропал, женщин не покупай. Босс не ходи, воин не бери. Никакой торговля нет, хоть умирай лежи.

– Комспас берет у вас женщин? – заинтересовалась Ольга.

– Раньше бери, теперь нет, – пригорюнился горец, – часто бери, коза меняй, патрон плати, ружье плати, еда плати. Любой бери – красивый, некрасивый, с большой сиська, с маленький сиська. Много бери, десять, еще десять, еще десять. Не торгуйся, бери, кросс-локус ворота веди. Месяц, два месяц – совсем не бери. Плохой торговля стал! Совсем плохой!

Дед окончательно расстроился, махнул рукой и побрел к загону с козами, а к нам подошла наша спутница. Весьма довольная, улыбающаяся и с пустым мешком – видать, хорошо расторговалась.

– Мясо жопа мымбарук хорошо бери! – обрадовала она нас, – еще два раз ходи, принеси, коза тут купи! Вот этот!

Она уверенно ткнула пальцем в загон. С моей точки зрения все козы там одинаковые, но она, наверное, разбирается.

– Вы туда ходи – там репер стоять, или в кросс-локус ворота ходи.

Она показала на дверь в стоящей особняком у склона горы каменной хижине и на деревянные ворота каменного же сарая.

– Если вы меня жена не покупай, то я за мясо ходи, а то его съесть кто-нибудь.

– Нет, не покупаем. Хорошая ты девушка, но обстоятельства, увы. На, вот, – я вытащил два последних сладких батончика и отдал ей.

– Ой, сладкий еда! – обрадовалась девушка, – жаль, что вы меня не купи, у вас еда много! Я идти?

– Иди, спасибо тебе!

Она развернулась и быстрым легким шагом пошла вверх по тропе. В мымбарукову пещеру надо полагать. За мясом. Ну, удачи ей и коз побольше.

– Значит, женщин они брали здесь... – задумчиво сказала Ольга, пока мы пережидали резонанс на следующем репере.

Здесь по контрасту было тихо и спокойно, как на кладбище. Впрочем, почему «как»? На кладбище репер и стоит. В точке схождения радиальных аллей, окруженный пафосными каменными статуями, изображающими скорбящих ангелов и плачущих женщин. Атмосферно так, готичненько. В чем-то даже по-своему красиво. Но я не хотел бы себе такого. Глупо громоздить тонны резного камня над центнером гнилого мяса. Лично мне глубочайше все равно как утилизируют мой труп – ведь меня к тому моменту уже не будет нигде, а лучшая память для потомков – избавить их от многолетней бессмысленной покраски оградок.

– Это важно? – спросил Артём.

– Наверное да, – она все еще размышляла над полученной информацией. – У них нет своих женщин.

– Это как? – удивился я, – нация настоящих боевых пидарасов? А плодятся они при помощи устава караульной службы?

– Нет. Там все сложнее и хуже. Зря вы отказались сбросить на них бомбу. Они этого заслуживают, поверь.

– В Коммуне мне тоже многое не нравится, – нейтрально сказал я. – Идеального общества я пока ни разу не встретил.

– Есть границы, которые пересекать не стоит, поверь.

– Вы будете дальше обсуждать мировые проблемы или пойдём уже отсюда? – недовольно спросил Артём, – Я не любитель готической эстетики.

Два ничем не примечательных репера – и мы на месте. Библиотека встретила нас британской погодой – мелким дождичком и густым туманом, через который желтыми пятнами просвечивали тусклые фонари. Тут поздний вечер, а значит, Олег, скорее всего, у себя в комнате, в общежитии исследователей. Артём с Ольгой направились туда – у рыжей какие-то важные вопросы, а Артём знает, куда идти. Ну а я решил времени не терять и пошёл к здешнему мораториуму. Там-то меня и взяли.

Я успел частично разобрать механизм – изучая его в Центре, сообразил, как это делается и даже инструмент изготовил. Так что проблем не ожидал. Их и не оказалось – в техническом смысле. К моему большому удовлетворению, нужная нам деталь оказалась цела, хотя не хватало пары других.

И вот, когда я уже, осторожно выкрутив стяжки, рассоединил мост и платину, приподняв, вывел цапфу оси из формованной кристаллической опоры, отведя в сторону триб, и уже примерился, как мне спрессовать с этой оси нужный диск, меня грубо потащили с постамента за штаны.

Я возмутился и дал кому-то берцем по зубам, потом кому-то навернул по чайнику самопальным ключом, потом, кажется, успел разбить пару носов, но потом меня скрутили. В процессе насовали по печени и по морде, но так, без фанатизма, чтобы не дергался. Я немного подергался все же, но их было пятеро и довольно здоровых, а я один и без оружия. Винтовку я отдал Артёму, чтобы не мешалась в процессе. Библиотека казалась мне абсолютно мирным местом. Эх, пора бы привыкнуть, что расслабляться нигде нельзя.

Единообразная одежда нападавших, не форменная, но близко к тому, навела меня на мысль, что это какое-то организованное формирование. Возможно даже силы местного правопорядка. Может они решили, что я собираюсь мораториум на цветмет сдать? Я попробовал объясниться, ссылаясь на авторитет Конгрегации, но меня никто не слушал. Таштили по улице, заломив руки, и все.

Притащили, обыскали, изъяв, к моему крайнему неудовольствию всё, включая УИН. Так что порубать всех в джедайском стиле в капусту или, аккуратно вырезав кусок стены, тихо удалиться с туман не выйдет. Помещение самым очевидным образом предназначено для насильственного удержания людей внутри. Камера этакое американского (если судить по фильмам) стиля – помещение, где вместо одной стены решетка. Внутри – жесткий топчан, рукомойник и унитаза. Задняя стена толстая, капитальная, с крошечным окошком, боковые стены отделяют от соседних камер, они пустые. Коридор заканчивается мощной дверью, она, вероятнее всего тоже заперта, но это неважно, потому что мне и в коридор не выбраться. Странно, что шнуры

и ремень не изъяли, но у меня нет набора отмычек в пряжке и клинка в подошве. Плохо я подготовился.

Лег на топчан и постепенно задремал – переходы довольно сильно выматывают и сбивают биологические часы. Небиологические у меня отобрали, так что не знаю, как долго проспал. За окошком еще было темно. Разбудили меня тюремщики, так же молча, без объяснений, сопроводившие меня в кабинет, усадившие на стул, и вставшие рядом. С намеком, что лучше бы мне посидеть смиренно. Вскоре в кабинет вошел неизвестный в балахоне, сел за стоящий передо мной стол, долго шуршал бумажками... Нервы мотают. Ждет, что я начну возмущаться, требовать адвоката... Тут вообще есть адвокаты? Но я не стал. Понятно, что раз меня вот так притащили, то просто так не отпустят.

– Какова цель вашей диверсии? – наконец разродился балахон.

Представиться или поинтересоваться моей личностью он не снизошел, а значит, это вряд ли полицейское расследование. Просто спектакль какой-то. Что, разумеется, вовсе не исключает его печального финала лично для меня.

– Цель чего? – переспросил я, чтобы не молчать.

Может за молчание мне по голове треснут, я не хочу.

– Диверсии. Вы разбирали мораториум Библиотеки. Наличие специальных инструментов подтверждает, что это было намеренное, заранее подготовленное деяние.

– Нельзя сломать то, что и так не работало. Там птичьи гнезда старше меня на вид.

– То есть, вы признаете, что ваши действия были намеренными?

– Черта с два. Я ничего не признаю.

– Ваше признание не является обязательным, – сказал балахон, – оно влияет лишь на вашу участь. Сам факт преступления установлен с достаточной достоверностью.

– Тогда какого хера я тут делаю?

Вопрос проигнорировали.

– Кто направил вас к нашему мораториуму?

– Руководитель Конгрегации Центра, – я решил, что эта информация мне никак не повредит, но, похоже, ошибся.

– Вы признаете, что действовали в сговоре с отступниками?

– С кем? В первый раз слышу.

– Только что признались и теперь отрицаете?

– Не знаю никаких «отступников».

– Конгрегация выступила против пришествия Искупителя и тем поставила себя вне Церкви. Их цели кощунственны и безумны.

– Не в курсе, мужик, извини, – я развел руками, но двое стоящих сзади схватили меня за локти, как будто испугались, что я сейчас замашу ими и улечу.

– Ваша осведомленность об их целях не имеет значения. Ваша связь с отступниками доказана.

Я промолчал. Мое мнение тут, похоже, ни на что не влияет.

– Насколько сильно поврежден их мораториум?

– Понятия имею. Я не специалист.

– Но вы собирались его починить?

– Эй, – решил уйти в отказ я, – меня просто наняли снять деталь!

– Вы врете, – покачал капюшоном балахон. Лица его я до сих пор не разглядел. – Мы знаем, кто вы.

– И кто же я?

– Вы – механик с волантера. Вас зовут Сергей, позывной «Зеленый». Именно вы восстановили волантер, и именно вы отец одного из потенциальных Искупителей.

– Чего? – поразился я.

Ладно, про дирижабль, который они называют «волантером», узнать несложно. В Черном Городе мы засветились как лампочки. Но отец потенциального... Что за херь? Ну, мало ли, странноватый у нас мальчик. Подумаешь, Настя там что-то разглядела синим глазом, но Искупитель?

– Значит, – продолжал балахон, – вы имеет как достаточную квалификацию, так и очевидный мотив.

– Какой, нахрен, мотив?

– Как любящий отец, – терпеливо разъяснил он, – вы не хотите, чтобы ваш сын стал Искупителем. Эгоистическая, но по-человечески понятная позиция. Что, разумеется, не оправдывает вашего предательства интересов Мультиверсума, сотрудничества с отступниками и попытки диверсии.

– Какой, в жопу, диверсии? – на выдержал я, – ваш мораториум лет сто как не работает!

– Диверсия не в том, что вы разобрали наш мораториум, а в том, что собрались восстановить мораториум отступников, позволив им продолжить их отвратительные деяния. И то, что вы отец потенциального Искупителя, вас не оправдывает.

– Да с чего вы взяли, что мой сын...

– Не надо кричать! – перебил меня балахон. Стоящие за стулом ребята положили каменные руки мне на плечи, подтверждая серьезность намерений. – Бессмысленно отрицать очевидное. Примерно год назад Хранители переместили развоплощенную сущность одного из них из вашей жены в ее плод. Глупо делать вид, что вам это неизвестно, поскольку они сделали это в вашем присутствии и по вашей прямой просьбе. Примите последствия этого выбора!

– Да я... – стоящие за стулом стиснули мне плечи стальными пальцами, и я понял, что перебивать монологи балахона не следует. Он уже все решил, мое дело – весь этот бред выслушать.

– Таким образом, мной достоверно установлено, что вы имели мотив, возможность и прямое намерение. Ваши действия свидетельствуют против вас. Ваша виновность не вызывает сомнений. Приговор будет рассмотрен и оглашен позже. Уведите!

Я не стал протестовать, за очевидной бессмысленностью этого. Никто тут не собирался меня выслушивать. Отвели в камеру, заперли большой железный замок большим железным ключом и ушли. За окном уже рассветало. Интересно, что полагается за кощунственную диверсию путем починки поломанного? Если сожжение на костре, то, надеюсь, дрова будут сухими. От дыма у меня в носу свербит, а безудержно чихающий казнимый выглядит несолидно.

Глава 3. Артём. «Дом наизнанку».

Олег встретил нас радостно, хотя Ольги забавно стеснялся.

– Что вам предложить, Ольга Павловна? – суетился он, – Чаю? Пирожков? Больше ничего нет, по позднему времени, не взыщите.

– Не волнуйтесь вы так, Олег! Я вам больше не начальство, а вы не транспортный оператор! – рассмеялась она.

– И вы не считаете меня дезертиром? Я ведь не вернулся в Коммуну после гибели группы...

– С тех пор много всего случилось. Я, вот, даже его больше дезертиром не считаю... – Ольга махнула рукой в мою сторону. – А кое-кто уже не прочь назвать этим словом меня...

– Рад, что вы перестали быть столь... Догматичны. Вам, Ольга Павловна, полезно посмотреть на проблемы с другой стороны. Увидеть другие правды... – Олег принес с кухни общежития горячий чайник. – Что привело вас в Библиотеку? Здесь слишком академично и недостаточно динамично для людей вашего склада.

– Мы тут за деталями к... – я заткнулся, получив под столом болезненный пинок по щиколотке.

– У нас много вопросов к вам, Олег, – бархатным голосом сказала моя бывшая, – И вопросы эти самого академического свойства, поверьте!

Надеюсь, она хотя бы соблазнять его не собирается? Он все-таки служитель церкви, да и мне... Я поймал себя на том, что мне было бы, пожалуй, неприятно. Хотя, казалось бы. Нет, что-то во мне не отпустило еще Ольгу окончательно. Ну, или что-то в ней – меня, это вернее. Она умеет добиваться своего, так или иначе. Как я не отбрыкивался, в фактически опять выступаю ее личным оператором. И сплю с ней, да. Вечно бабы мной крутят, да что такое.

– Что вы хотите узнать? – вздохнул Олег, – Учитывайте, пожалуйста, что мои штудии здесь весьма далеки от завершения. История Церкви и Искупителя захватила меня, но слишком много книг, в которых описаны другие книги о третьих книгах...

– Нас интересует один достаточно конкретный вопрос...

«Нас», ага. Что б я еще знал, какой именно...

– Что вы знаете об отношениях Церкви и Комспаса? – как-то резко спросила она.

– Вы знаете об этом? – заметно растерялся Олег. – Я сам недавно наткнулся на некую связь, старые документы, не вполне ясного происхождения...

– Наш спутник, – он отошел по делам ненадолго, скоро должен прийти, – хороший аналитик. И он сразу предположил существование некоей «третьей силы» – кого-то, кто действует между Коммуной и Комспасом. Кого-то, кто тщательно делит остатки старых технологий, подбрасывая их части разным игрокам Мультиверсума. Кого-то, кто заинтересован в конфликтном развитии событий, в ускорении деградации срезов, в блокировании любых попыток этому противостоять. А еще наш аналитик предположил, что, с высокой вероятностью, эта третья сила связана с Церковью.

– Церковь, увы, далеко не монолитна, – покачал головой Олег. – Внутри нее есть несколько течений, как догматического, так и практического характера. Ну и соблазны власти... Ну, вы понимаете.

– Понимаем, – кивнула Ольга. – Люди – везде люди. И все же?

– Комспас выступает как сила, направленная против Искупителя. Их одержимость его уничтожением – желательна, превентивна, до воплощения, что означает неприятие всех, связанных с его культом, – идеологическая основа их странного общества. Нельзя не обратить

внимание на очевидную искусственность этого небольшого социума, его нежизнеспособность вне рамок этой задачи. Казалось бы, это воплощенные антагонисты Церкви Искупителя, верно?

Ольга заинтересованно кивнула.

– И тем не менее – я уверен, что Комспас тайно поддерживался одной из церковных фракций.

– Я в курсе, продолжайте.

– Видите ли, Ольга Павловна, в Церкви Искупителя самому Искупителю рады будут далеко не все...

Ольга с Олегом еще долго беседовали, обсуждая интриги и расстановки сил, но я так умотался, что ушел спать. Олег показал мне свободную комнату, и я отрубился, едва прилег. Под утро меня бесцеремонно, но приятно разбудила Ольга – я слегка удивился, но и не подумал сопротивляться. Потом мы уснули уже вместе, несмотря на узковатую кровать. Засыпая, я дышал запахом полыни, пороха и миндаля от ее волос, и думал, что эта женщина нахально захватила слишком много места в моей жизни, ловко растолкав локтями людей и обстоятельства. А ведь я женатый человек с детьми, почтенный отец семейства. Почти султан. Надо что-то с этим делать. Но лучше – не сейчас. Подумаю об этом позже.

Утром нас разбудил стук в дверь. Олег, убедившись, что мы проснулись, попросил выйти на кухню, у него важные новости. Важными новостями оказался арест Зелёного. Его обвиняли в каком-то не то кощунстве, не то терроризме, но по сути – в том, что он выполнял задание Конгрегации, которая тут была, оказывается, очень непопулярна. Парадокс – стоит собраться вместе десятку людей, и они немедля поделятся на три партии, восемь фракций, четыре взаимоисключающих течения и пять на дух не переносящих друг друга конфессий. Вот так и Церковь Искупителя – в Библиотеке и Центре она вроде бы одна и та же, но есть нюансы. Руководящая там Конгрегация и рулящая тут Кафедра имеют глубочайшие идеологические противоречия и абсолютно несовместимый взгляды на Мультиверсум и роль Церкви в нем. Сильно упрощая: Конгрегация считает, что Искупитель – это, конечно, здорово, но чем позже он придет – тем лучше. Сложившийся статус-кво не так уж плох, и крах текущего Мультиверсума лучше по возможности оттянуть всеми способами. Для этого они пестуют корректоров, которые, с переменным успехом, но вытягивают-таки иногда из коллапса населенные срезы и используют Людей Дороги, чтобы, по мере их скромных сил, поддерживать ее инфраструктуру. Кафедра же, наоборот, считает, что пришествие Искупителя надо всячески ускорить, пусть грешный мир погибнет и все начнется с нуля. Поэтому корректоров они не любят, цыган не любят тоже, коллапсы срезов приветствуют и даже, не исключено, провоцируют – хотя никто за руку их пока не поймал. Обе стороны считают друг друга предателями и отступниками и при случае не упустят шанса напасть. Вот, например, как сейчас.

– И что с ним сделают? – спросила деловито Ольга.

– Не знаю, – развел руками Олег. – Прецедентов пока не было. Но точно не отпустят.

– Это нас не устраивает, – заявила она в своей обычной категорической манере. – Где он?

– В изоляторе службы охраны Библиотеки.

– Его можно увидеть?

– Наверное. Тут все-таки не совсем средневековые нравы, может разрешат свидание.

Свидание нам, не без скрипа, но разрешили. Мы заявили, что являемся ближайшими родственниками, и даже не стали уточнять, насколько близкими. Противостоять напору Ольги сложно, проще сделать, как она хочет. По себе знаю.

– Привет, – сказал я валяющемуся на топчане Зеленому.

Между нами решетка и даже табуреток не дали. Беседуйте стоя.

– А вы не спешили, – буркнул он, – Ну что, костер уже сложили?

– Костер?

– А что, меня повесят? Или тут в ходу гильотина?

– О, наш Зелёный по-прежнему верен свой мизантропии! – констатировала Ольга.

– У тебя есть другие версии, рыжая? Включи логику – удержать меня сложно, я проводник. Если только в клетке вот так – но зачем? Это ж меня кормить придется. Отпустить? Тем более глупо, зачем тогда задерживать. Выходит, придется пристукнуть. Вопрос только публично или по-тихому. Ты на что ставишь? Я – на публичность. В кризисные моменты публичные казни сплачивают электорат.

– Мы тебя вытащим! – сказал я, пытаюсь изобразить голосом уверенность.

Охраняли его серьезно – даже сейчас в конце коридора стояли люди с автоматами, а снаружи ходили патрули. Разве что Ольга что-то придумает, она на хитрости горазда.

– Да ладно, – усомнился Зелёный, – если бы вы могли меня освободить, то не приперлись бы сюда с официальным визитом, сдав на входе оружие и УИНЫ. Так?

– Увы, – признала Ольга, – они предусмотрели попытку силового освобождения. Мы с Артемом не потянем. Сюда бы Македонца с его группой – но это слишком долго. Приговор приведут в исполнение раньше.

– И каков он?

– К сожалению, нам не сказали. Но ты прав – отпустить тебя точно не собираются.

– То есть, вы пришли просто морально поддержать смертника? – мрачно усмехнулся Зелёный, – Могли бы потратить время с большей пользой, я не сентиментален. Позаботиться о семье вы и так сообразите, а рыдать у вас на плечах я не собираюсь. Лучше подумайте, куда они дели то, что я успел открутить от мораториума.

– В смысле? – удивился я.

– Не тупи, Артём. Я успел демонтировать нужную деталь. С оси не спрессовал, но ее и с осью унести несложно, не такая она большая. Вряд ли церковники собрали все обратно – это сложный механизм, а они не руками работать привыкли. На месте тоже наверняка не бросили. Значит – куда-то унесли и положили. Олег наверняка может предположить, куда. Сомневаюсь, что это место охраняют так же хорошо, как меня. Хватайте железку – это такая полупрозрачная мандула, типа погрызенной тарелки, надетая на длинную хренотень с цапфами на концах.

– С чем?

– Неважно, узнаете. Хватайте ее и тащите в Центр. Иван сообразит, как ее на место приладить.

– А ты как?

– Кверху каком. Вы не поняли – тут не во мне дело вообще. Это здешние кафолики послали стрелка, который повредил мораториум. Это они натравили Комспас на Центр. Черт, да они этот Комспас чуть ли не сиськой выкормили!

– Это они тебе сказали? – удивилась Ольга.

– Это мои мозги мне сказали. Я давно вычислил, не хватало буквально нескольких деталей. Так вот, они называются «Кафедра», если вам интересно. Сидят на древних технологиях и дозированно выдают их разным анклавам. Они... Черт, не время для лекций. Поспешите, иначе возвращаться вам будет некуда. Они не могут не воспользоваться случаем. Доберитесь, восстановите мораториум. Протупите – найдете там руины. Ультиматум скорее всего выдвинули для маскировки, просто не успевали подтянуть боевые группы. Это не точно, но расчетная вероятность очень высока. Нападут внезапно, собьют дирижабль – и оппаньки. Давайте, давайте, валите к херам. Потом пришлете спасательную экспедицию, если захотите. Вдруг меня не совсем убьют?

– Но... – начал я.

– Пошли, – дернула меня за рукав Ольга, – Он прав.

– Так нельзя!

– Артем, – сказал Зеленый твердо, – там наши семьи. Я ненавижу всякий пафос, но вот представь, что мы вернулись – а там одни трупы.

Я представил. Мы с Ольгой как-то раз видели последствия нападения Комспаса на мирный город. Гора мертвых тел и контрольные в голову детям. Очень хорошо представил.

– Прости. Мы правда пойдем...

– Поспешите.

Я ждал какого-нибудь эпического приключения – похищение таинственного артефакта, подземелье, сейф, охрана, перестрелки... Ничего подобного. Олег вошел в неприметную дверь большого мрачного дома, через пять минут вынес оттуда длинный тяжелый сверток и отдал нам.

– Как я и думал – его еще не оприходовали и не поставили на баланс, – сообщил он смущенно, – а значит, в число охраняемых он не попал, так и валялся среди входящих на рассмотрение. Бюрократия и кадровый дефицит.

– Не боишься попасть под раздачу? – спросил его я.

– Не думаю, что до меня есть кому-то дело. Кроме того, я ничего не нарушил. Пока артефакт не оприходован, это просто мусор. Идите, спасайте мир, или чем вы там собирались заниматься. Я послежу за судьбой вашего товарища, но на многое не рассчитывайте – у меня нет никакого влияния, я тут гость.

– Мы понимаем, – кивнула Ольга, – спасибо вам.

– Вы вернуться? Передумай? – обрадовалась нам горянка.

За время нашего отсутствия она стала богаче на целых две козы – видимо, курс мымбаручатины вырос. Козы на длинных витых поводках следовали за ней как собаки, изредка отвлекаясь на придорожные кусты и срывая с них листочек другой. Однако она явно не отказалась бы пополнить стадо.

– Я думал, ты уже ушла к сестре, – удивился я, застав ее на площади.

– Нет, быть караван, я зубы мымбарук продай, коза купи! Порох ружье купи!

– Повезло тебе.

– Хорошо! Вы мне удача принести! А сладкий еда у вас есть?

Мы специально закупились в кондитерской в Библиотеке перед выходом, так что торжественно вручили ей пирожное. Она немедля счастливо перемазалась до ушей кремом.

– Какой сладкий еда! Наверное, на небо такой еда есть, когда умирай!

– Можешь отвести нас обратно на берег, где мы встретились и найти лодку?

– А дадите еще такой еды? Для сестра?

– Дадим. И такой и другой, тоже сладкой.

– Я найти лодка для вас!

Лодка оказалась полная дрянь – пересохшие козьи шкуры на каркасе из ветвей. Течет немилосердно и не управляется, по причине почти круглой формы, совсем. Но сестры не желали с ней расстаться. С нами отправилась младшая, как более легкая – троих взрослых, боюсь, это плавсредство не выдержало бы. Она и гребла тонким деревянным веслом, ловко перекидывая его с борта на борт, потому что сами мы не смогли даже отойти от берега – так и крутились на одном месте. Нам было неловко, но девочка прекрасно справлялась, демонстрируя удивительную выносливость и силу рук. Еще и болтала, не останавливаясь:

– А у вас много такой сладкий еда?

– Много, – мрачно ответила Ольга.

– Любой может есть такой еда когда хоти?

– Да.

– Вы, наверное, только такой еда и есть, да? – завистливо вздохнула девочка.

– Нет, мы разную еду едим, – разочаровал ее я.

– Зачем есть другой еда, если есть сладкий? – удивилась она.

– Если есть только сладкую еду, можно заболеть.

Она уставилась на меня так, как будто я ей в душу плюнул. Потом покачала недоверчиво головой:

– Зачем неправда говори? Это хороший еда. От нее не болей. От вонючий мясо болей, от кукуруза с жучок болей, от молоко больной коза болей. От такой еда не болей! От такой еда хорошо в живот!

Я только плечами пожал. Вряд ли у нее будет возможность проверить это на себе. Хотя, как знать – может ее еще купят за полторы козы. Впрочем, отчего-то мне кажется, что, если и купят, то не для того, чтобы шоколадом кормить.

– Сюда гребни, – указал я.

Репер уже чувствовался из-под неглубокой воды залива. Еще несколько метров... Все, дотянусь, хватит.

– Сейчас мы уйдем, сама вернешься?

– Куда уходи? – она оглянулась вокруг удивленно.

– Неважно. Мы так умеем. Вот тебе много сладкой еды, – я положил пакет с пирожными на банку, – все сразу не съедай. С сестрой поделись, это вам на двоих. Догребешь до берега?

– Я хорошо грести, – покивала она.

– Ну и прекрасно. Рад был знакомству, удачи вам и коз побольше.

– Эй, – сказала она нерешительно, – а бери меня? Без коза, так. Не смотри, что маленький, я умею коза дои, лепешки пеки, сыр умею, все делать умею! Я вырасти потом, жена тебе стать.

Ох, какая неловкая и знакомая ситуация. Но я больше не подбираю бездомных котят. Своих полон дом.

– Извини, – сказал я и потянулся к реперу.

Секундный соблазн включить девочку в группу «свои» и захватить переносом преодолел почти без труда. Сами не знаем, что нас там ждет. Вдруг уже опоздали?

Опасения не оправдались – в Центре было тихо и спокойно. И все же – то ли Зеленый так на меня повлиял своей убежденностью, то ли во мне наконец просыпается знаменитая интуиция глотти, но внутри поселилось нервное, как тикающий таймер, нетерпение. Что-то будет. Что-то случится. Что-то надвигается.

Или это просто паранойя, тоже вариант. Говорят, она заразная.

Поэтому, отдав трофейную железяку Ольге, чтобы она передала ее Ивану, отправился к семье. Убедиться, что с ними все в порядке и организовать переезд. Пусть сидят за дверью, которую чужой не откроет. Мне так спокойнее будет. Починят там мораториум, или нет – а они в домике. Эгоистично, да, но что поделать. Я теперь человек семейный, мне о детях думать надо. Даже если я к этому никак не привыкну.

В домике нашем теперь пахнет младенцами. Странный такой запах, не то чтобы неприятный, но непривычный. Кисловатый и животный, слегка больничный и чуть тревожный. Они не орут, во всяком случае громко, но их присутствие заполнило весь жилой объем доверху. Все так или иначе соразмеряют свои траектории с их существованием. Только Настя сидит в крохотной здешней гостиной, забравшись с ногами в кресло и выглядит немного потерянной.

Мне обрадовалась:

– Пап! Ты вернулся!
– Привет, синеглазка! Как ты?
– Ну... Так. Странно. Как будто давит что-то, и снится всякая дичь.
– Ничего, сейчас мораториум починят, и станет легче. Говорят, он защищает вас.
– Так вы справились, нашли... Что вы там искали? Все хорошо?
– И да, и нет. Мы справились и нашли, но наш товарищ остался там, и он, похоже, в большой беде.

– Сергей? – всплеснула худыми руками Настя.
– Да.
– Надо же его спасти!
– Мы обязательно постараемся.
– Все плохо? – уловила что-то в моем голосе девочка.
– Может быть, уже поздно. У нас был выбор – спасти Центр или его. Он сам сказал, чтобы его оставили, и мы не могли поступить иначе.

– Это ужасно!
– Ты правильно сделать, Гхарртём, – внезапно вмешалась стоявшая в дверях Таира. – Люди умирать постоянно, это жизнь. Важно – умирать не зря. Ты отомстить за друга, я знаю.
– Я же принес тебе подарок, ойко! – вспомнил я.

И только тут сообразил, какого дал маху. Черт, у меня же три жены, надо всегда три подарка! Эх, неопытный я пока многоженец и султан начинающий. Но назад сдавать поздно, и я вытащил из рюкзака завернутый в тряпочку клык.

– Зуб мымбарука! – восхитилась жена. – Ты его убивать! Ты настоящий мужчина!

Я скромно не стал упоминать, что убивали мы его толпой. В конце концов, я действительно нанес финальный удар, так что, формально, именно от моей руки он и пал. Я герой?

Похоже, что да. Таира смотрит на меня как-то по-новому. Иначе как-то. Как будто что-то для себя решила. Черт, почему меня все это пугает? Султаны не должны рефлексировать, это неправильно. Проблемы гарема султана не... В общем, там отношения в другую сторону работают.

– Барышни, надо собираться, мы переезжаем в новый дом, – заявил я, собрав свой гарем.
– Новое место! Класс! Это весело! – оптимистично заявила Меланта.

Она без малейшего смущения сидит голая по пояс, скинув верхнюю часть мягкого халата на бедра и кормит с разом двух младенцев с двух сисек. Рыжие волнистые волосы падают на веснушчатые плечи, зеленые глаза искрятся, грудь выросла размера на два, лицо округлилось. Аллегория материнства, я прям залюбовался. Рядом свернулась клубочком Эли, положив голову ей на бедра. Они не расстаются теперь.

Младенцев я, к стыду своему, все еще не различаю. И, к еще большему стыду, они все еще безмянны. У меня просто какой-то экзистенциальный ступор на эту тему. Три имени! Разом! Это же не просто так, в этом же должен быть какой-то замысел, гармония какая-то... Им потом всю жизнь с этим жить!

Ей-богу, лучше бы каждая назвала своего на свой вкус. Я бы принял как факт и успокоился. Слишком серьезный вызов моей творческой фантазии.

Алистелия приняла идею переезда безропотно, как принимает все, исходящее от меня, а Таира сразу принялась распорядиться. Началась хлопотная женская суета по сбору вещей, обещающая затянуться надолго, в которой я чувствую себя совершенно лишним. У меня и вещей-то почти нет, не обжился.

– Пойдем, – сказал я Насте, – мы тут только мешаться будем, а у нас еще важное дело есть.
– Школа? – понимающе вздохнула она.

– Школа, – подтвердил я, – и не вздыхай, это хорошее место.
– От одной ушла, в другую пришла... – сказала она грустно. Опять буду видеть тебя через кафедру?

– Ну-ну, тут тебе не Коммуна, все по-другому. Жить в интернате не обязательно. Привыкай, что у тебя семья. Это на всю жизнь, кстати, еще надоест.

– Да ну тебя! – фыркнула девочка, выходя за мной на улицу, – ладно, пойдем. Надоело видеть мир как переплетение нитей и пересечение арматур. Очень утомляет.

– Надень это, дитя, – ректор протянул ей очень темные круглые очки с металлическими боковушками.

– Как странно... – Настя покрутила головой, – вроде бы темно, но что-то видно даже отчётливее. Как будто не очки, а фильтр...

– Привыкнешь, – уверенно сказал ректор. – Артём, вы знаете, из-за мораториума занятия приостановлены. Защиты пала, дети расстроены и дезориентированы. Тем не менее, я бы попросил вас провести внеплановую лекцию.

– О чем? – удивился я.

– О Комспасе. Боюсь, это становится самой актуальной проблемой для них сейчас. Одной из своих целей Комспас ставит уничтожение Школы и корректоров, прекращение нашей деятельности.

– Почему?

– Вам виднее. Вы с ними встречались. И знаете что, Артем... – он смущенно отвел глаза, – ваша спутница... Ольга. Вы не могли бы пригласить ее? Я слышал, она больше других знает о Комспасе.

– Попробую, но ничего не обещаю.

– Разумеется, но все же попытайтесь. Если мы не можем защитить детей от этой угрозы, то должны хотя бы дать им максимум информации.

– Я надеюсь, мораториум заработает уже сегодня, – поделился я с ним свежей информацией.

– Да, я слышал, что вы достали деталь. Но они не могут все время сидеть в Центре, они корректоры, их работа в Мультиверсуме. Раньше проблема Комспаса не стояла так остро, но...

– Я понимаю. Сделаю, что могу. Пойдем Настя, навестим друзей и поищем транспорт для переезда.

Ивана и Ольгу нашли на площади. Рядом слонялась, задумчиво вытирая руки ветошью, дочь Ивана, Василиса. Они, вместе с руководителем Конгрегации и еще несколькими незнакомыми церковниками рассматривали мораториум. На вид он казался целым, но отчего-то не работал.

– Что-то не так? – спросил я Ивана.

– Да вот черт его знает... – ответил он, почесав в затылке, – вроде, все так. Но не тикает.

– Не та деталь? – мне стало нехорошо от мысли, что все зря.

– Деталь та самая. Встала, как тут и росло. Но... Инструкции к нему нету, сам понимаешь.

– Мы ищем все упоминания о мораториуме в архивах, – сказал церковник, – но большая их часть в Библиотеке, а там, увы, не горят желанием с нами сотрудничать.

– Хреново, – сказал я, – но я тут с личным вопросом. Иван, я возьму УАЗик? У меня переезд и все такое.

– На УАЗике ты опухнешь перевозить, – не согласился капитан. – В нем места мало, а семья у тебя большая. Может дирижаблем перекинем?

– Да ладно, – удивился я, – такую дуру ради пары сумок гонять?

– А что там гонять? Подошли, опустили трап, загрузили, перелетели, опустили трап, выгрузили. Быстрее чем УАЗик заводить-прогреть. Опять же, колхозом ловчее. Там, поди, уборка, пыль протереть, окна помыть – а твои только что родили. Светлана готова помочь, да и Лене бы отвлечься... Она переживает за Сергея-то. Всем миром быстро вас обустроим, и устроим мозговой штурм, как нашего механика вернуть.

– Да я не против, вместе веселее.

– Пап, я тут останусь пока, можно? – сказала Василиса. – Подумаю еще. Кажется, что вот-вот пойму, в чем проблема, но потом раз – и ускользает. Как будто она на виду, а я не замечаю.

– Как знаешь Вась, только не долго. А то я волноваться за тебя буду. Время тревожное сейчас. Ну и вообще, иногда лучше не биться головой об вопрос, а отойти и переключиться. Дать подсознанию поработать.

– Я быстро. Я вас найду потом, не бойся, дирижабль издалека видно.

Пустой дом оказался огромен. Два этажа, соединенных широкой парадной, и узкой черной лестницами. На первом – большой темноватый холл, библиотека, в которой даже сохранились старые книги, гостиная с камином, четыре небольших жилых комнаты. Кухня – с дровяной чугунной плитой и деревянными шкафами. Здесь же спуск в подвал – но это потом, не все сразу.

Наверху – роскошные спальни, наводящие на мысль, что скромные комнаты внизу – для прислуги. Похоже, здешнее общество было более сословным, чем сейчас. Сегодня в Центре это не так заметно, хотя я тот еще антрополог. Может и сейчас половина людей на улице – прислуга другой половины, а я и не в курсе.

«Спальня» тут – не комната с кроватью, а практически квартира в нашем понимании. Три смежных помещения – гардеробная с раздвижными шкафами и чуть мутноватыми старыми зеркалами от пола в человеческий рост, нечто вроде столовой-кабинета, и, собственно, сама спальня – с огромной кроватью на резных ножках, прикроватными столиками, шкафчиками, раздвижными бумажными ширмами и маленьким санузлом весьма архаичного вида. Сидячая ванна, не эмалированная, а почему-то медная, с высокими гнутыми бортами, над ней – жесткая лейка душа и бронзовые краны с фигурными вентилями. Непривычной формы фаянсовый унитаз с высоким бачком, раковина-тумбочка и овальное зеркало над ней. Все такое... викторианское. Хотя я не уверен, что употребляю это слово правильно. Как будто мы перенеслись в конец девятнадцатого века. Все гнутое, резное, вычурное и пестроватое. Косяки дверей в причудливой цветочной резьбе, массивная деревянная мебель на изогнутых ножках, обои с цветочным орнаментом, большие цветные плафоны узорчатого стекла, пыльные бархатные тяжелые шторы на грязных до непрозрачности стрельчатых окнах. Непривычно и странно, но...

Открыв дверь следующего помещения, я понял, что вот оно. То место, которое придумано кем-то для меня.

Это кабинет, выдающийся эркером стеклянных, от пола до потолка окон в зелень давно заброшенного сада. Между окнами стоит массивный, как крепостной бастион, стол из полированного дерева. За ним – кожаное кресло на резной основе, всем своим видом обещающее солидное удобство и основательность. Книжные шкафы за толстыми гранеными стеклами в тонких бронзовых рамках, светильники в виде металлических птиц, держащих в клювах цветные шары абажуров, а главное – небольшой, отделанный темно-шоколадным гладким камнем камин, перед которым расположилось роскошное кресло-лежанка, со столиком под напитки, изящным бронзовым торшером, подставкой под ноги и откидным пюпитром для книг. На этой штуке хотелось провести остаток жизни – с книгой и бокалом, глядя на огонь камина сквозь рубин вина.

– Так, – твердо сказал я, – это, чур, моё!

– Да, впечатляет, – прокомментировал подошедший из коридора Иван. – Буржуазные роскоши. Но учти, бытовой комфорт тут так себе. Освещение электрическое, но проводка дохлая, антикварная, кроме лампочек ничего не потянет. Напряжения в сети нет, но это как раз не проблема, акк подключим. Другое дело, что плита на дровах, водогрей на дровах, подача воды самотеком из бака на чердаке, а насос ручной, из скважины в подвале. Сначала час качаешь, потом пять минут моешься. Когда-то была центральная подача, из города, но входящая труба сухая.

– Зеленого бы сюда, – вспомнил я его башню у моря, – вот кто умеет налаживать быт! Он бы придумал и насос, и плиту, и кондиционер с интернетом...

– Он горазд, да. Руки из нужного места, – покивал Иван. – Надо выручать его, это не дело.

– Надо, но как?

– А вот сейчас вещи перетащим, обустроим вас в первом приближении и подумаем.

Вскоре в доме зажегся свет – тусклые лампы накаливания за пыльными плафонами вычурных светильников. В паре комнат проводка затрещала и задымилась, Иван, чертыхаясь, вырубил антикварные поворотные выключатели.

– Проводку по-хорошему надо бы всю поменять, эта в тканевой изоляции, пожароопасно. Не включай в тех комнатах пока.

Мы с ним по очереди качали длинный рычаг чугунного насоса в подвале, в трубах хлюпало. Таира, найдя там же запас дров и слежавшегося угля, растопила плиту и грела на ней воду в больших железных ведрах. Женщины мыли полы и протирали пыль, но объем предстоящего бытового подвига меня лично ужасал.

– Как они тут стирали, например? – спросил я, передавая рычаг насоса Ивану.

Бак на чердаке постепенно наполнялся, но очень медленно. Все-таки в идее прислуги что-то есть...

– Наверное, в городе были прачечные, – ответил он. – А всякую мелочь, типа кальсонов – в тазах руками. Я ж говорю, инфраструктура тут винтажная, комфорт относительный. Хорошо хоть трубы медные, не проржавели.

С трудом открыв пару присохших окон, убедились, что за ними действительно город – похожий на Центр, но не идентичный ему. Дома выстроены в том же неоготическом пафосном стиле, но, если зрительная память меня не обманывает, не полностью совпадают с домами той стороны. «Два в одном», как сказал тот инквизитор. Каждая дверь открывается в два дома – этот или тот, в зависимости от того, кто повернет ручку. Интересно придумано.

Я первым делом раздал права входа всем присутствующим, исключая младших детей и младенцев. Теперь если что – у них есть убежище. Дирижабль все-таки сильно уязвим. Хотя...

– Иван, – осенило меня, – у меня идея!

– Не пугай меня, Тём, чегой-то у тебя глаза так загорелись?

– Слушай, а давай дирижабль на эту сторону перегоним?

– Как? Он, знаешь ли, в дверь не пролезет...

– Не надо в дверь! Там, – я показал за окно, – то ли целый срез, то ли большая локаль. Судя по городу, давно заброшенная, но это неважно. Это все равно полноценная метрика, а значит, в здесь должна быть Дорога и сюда можно по ней добраться. Надо только иметь ориентир, а он у меня есть!

Таира все так же таскает на шее оплетенный кожаным шнурком микромаячок, который, я дал ей когда-то.

– Интересная идея, – признал Иван, – я бы попробовал.

– Слушай, а давай ваши с Зеленым семьи тоже сюда поселим? Ну, если ты не против, конечно. Дом здоровый, нам тут места слишком много, не осилим. А если еще и дирижабль будет с этой стороны, никто нас не достанет!

– Экий ты оптимист... Захотят – достанут где угодно. Но ты прав, тут как-то спокойнее. На первый взгляд. Пойдем на ту сторону, попробуем!

У трапа нас, нетерпеливо подпрыгивая, ждала Василиса.

– Куда вы подевались? Я уже и в дом заходила – там какие-то люди живут, а вас нет...

– Ох, – спохватился я, – ты у нас одна без доступа осталась... Пойдем, пропишу тебя в пользователи.

– Послушай, пап, – сказала она, пока я прижимал ее перепачканную смазкой ладошку к камню авторизации. – Я поняла, в чем проблема с мораториумом. Это же совершенно очевидно, не понимаю, чего мы тупили так!

– Я до сих пор туплю, – признался Иван, – у меня нет идей.

– Ну, пап, вспомни, как он устроен! Это же просто!

– Васькин, не издевайся над престарелым отцом! Додумалась – говори!

Мы уже поднялись в гондолу и теперь запускали ходовые системы.

– Паап! Это же часть механизма! На площади не весь мораториум, а его половина!

– Интересная мысль, – согласился Иван, подумав. – Теперь, когда ты это сказала, мне, пожалуй, стыдно, что я сам не заметил. Там же очевидно симметричная структура балансиров. Она обязана иметь ответную часть. Вась, встань за пульт механика, запускай моторы. Штурман – энергию в резонаторы!

– Есть энергия, – ответил я машинально, щелкая переключателями на консоли.

– Есть машине старт! – доложила Василиса.

– Поднимаемся, команде готовность к переходу. Малый вперед.

– Есть готовность.

– Есть малый вперед.

– Выход!

Мы повисли в туманном шаре над смутными контурами городских кварталов.

– Штурман?

– Работаю! – я, опустив на глаза гоглы, всматриваюсь то в панель навигатора, то в туман за стеклами ходовой рубки.

Я видел не только маркер. Стоило сосредоточиться, и я наводился на тусклые звездочки жен, яркие точки детей, странное, острое, как будто иголкой наколотое местоположение Насти... Кажется, я быстро развиваюсь как дорожный глойти. Скоро увешаюсь фенечками и буду плясать, обдолбанный, в дорожной пыли? Надеюсь, это не обязательно.

– Сюда! – торопливо сказал я, поворачивая визир компаса. – Мы совсем рядом. Выход!

Сверху этот город еще больше похож на Центр. Такой же центростремительно-радиальный, закрученный как спиральный леденец. Только в другую сторону. Он пуст, заброшен и все же не производит гнетущего впечатления. Возможно потому, что поразительно цел, только запылится немного.

– Тут что, улицы убирают? – спросила недоуменно Василиса, – смотрите, листья под деревьями не валяются. Стекла домов грязные, в садах все заросло, а мостовые как будто подметены.

– Действительно странно, – согласился Иван. – И посмотрите, вон там...

– Где?

– Смотрите вдоль улицы, туда, за город... Сейчас подниму повыше.

Дирижабль плавно набрал высоту, капитан уставился в современный цифровой бинокль.

– Что там?

– Далеко, не разберу. Но похоже, что за пределами города распаханы поля. Пригляди-тесь...

Я взял у него бинокль. Изображение в максимальном усилении подрагивало и смазыва-лось, но правильные четкие границы растительности на дальних холмах очевидно выдавали сельскохозяйственную деятельность.

– Странное место мы выбрали для жизни, – констатировал Иван. – Как бы не пришлось сбегать обратно.

Однако я, прислушавшись к себе, понял, что фоновое чувство тревоги, преследующее меня в последнее время, вдруг отпустило. Я еще в доме заметил – мне здесь спокойно. То ли интуиция, то ли усталость, не знаю.

– Пап! Пап! Так вот же он!

– Кто, Вась?

– Мораториум! Вторая половина!

Круглая площадь, такая же, как на той стороне. Черный цилиндр, замысловатый меха-низм. Действительно, похож.

– Садимся, садимся! – подпрыгивает Василиса, – Я его сейчас запущу! Я уже знаю, как!

– Уверена? – спросил Иван.

– Ну... Такое. Надо попробовать, – чуть сбавила энтузиазм девочка.

– Машине стоп. Трап опустить!

– Вот, здесь, видишь, пап? Тут даем толчок, и оно заводится.

– Хм, – Иван смотрел скептически, – на той стороне не завелось. Хотя я эту штуку тоже заметил.

– Потому что на той!

– Так они симметричные.

– Ну же, давай попробуем!

Иван привстал на цыпочки, протянул руку куда-то внутрь механизма, взялся за какой-то рычаг и резко потянул его на себя. Щелкнуло, клацнуло, зажужжало, затикало. Механизм пошел вращаться, но, сделав пол оборота, затих.

– Ровно та же картина, что там. Импульса, что ли, не хватает?

– Точно! – подскочила Василиса, – Импульс! Надо одновременно – там и тут!

– Хм... Что-то в этом есть. Но как ты себе это представляешь?

– По таймеру синхронизируемся! Я перехожу туда, запускаем секундомеры. Через трид-цать минут ровно – раскачиваем пусковые рычаги, пока не импульс не совпадет.

– Дело, – кивнул Иван, – может сработать. Ты у меня умничка, Вась.

– Ха! Еще бы!

– Ну что, – вздохнул я, стараясь не поддаваться чувству собственной неполноценности, – пойдем, посмотрим, как мой дом выглядит снаружи?

Хорошо выглядит. Готично-романтично. Темный крупный камень стен, острые скаты черепичных крыш над выступающими... Без понятия, как правильно назвать эти архитектур-ные излишества. Полукруглые застекленные выступы стен, образующие псевдобашенки. О, тут и балкончики есть! Изнутри не заметил. Все заплетено зеленой крепкой лозой, маскирующей грязные стены и почти непрозрачные окна. Невысокая каменная ограда, за ней буйно разрос-шийся сад, через который мы с трудом проломились к двери.

Стучать пришлось долго, а когда нам, со скрежетом засовов, наконец открыли, то первое, что мы увидели – ствол ружья. Его, решительно прищурившись, держала Таира.

– Откуда у тебя ружье? – спросил я растерянно.

– У женщины должно быть ружье! – ответила она, не опуская оружия, – Женщина защищать дети и козы! Ты уходишь туда, приходишь сюда... Это точно ты?

– Ты что, не узнаешь меня?

– Может ты угрхайя, демон-перевертыш? Я слышать, такие бывают в пустой мир! Ты доказать, что это ты!

– У тебя родинка на...

– Это ты! Заходить. И вы заходить, – она опустила ружье и сделала приглашающий жест. – Еда кормить вас?

– Не надо, – отказался Иван, – мы лучше сразу к мораториуму, а то Ваське кусок в горло не полезет, пока она не попробует.

У дверей Иван и Василиса сверили часы – большие, механические «штурманские» у него и легкие плоские электронные у нее.

– Тридцать минут ровно, пап!

– Время пошло! Сходишь с ней, Тём? Мне спокойней будет. А я на той стороне запущу.

– Конечно. Пойдем, Василиса.

– Дядь Артем, – спросила она, пока мы шли к площади. – Вы же спасете Зеленого? Маша, дочка его, так переживает. Плачет. И Лена тоже... Не плачет, конечно, но очень волнуется.

– Постараемся, Вась. Очень постараемся.

– Его надо спасти, он клевый.

– Я знаю.

Как ей объяснить, что «клевого человека» всегда выживает только в кино? И наличие горящей жены и плачущих детей на это никак не влияет? Вся надежда сейчас на Ольгу, она обещала найти способ. Лично у меня никаких идей нет.

– Минута! – Василиса заметно волнуется.

Чтобы достать до нужного рычага ей пришлось влезть на стремянку, теперь она стоит, вытянувшись, напряженная, как натянутая струна. Одна рука в механизме, на второй часы, которые она держит перед глазами, гипнотизируя убегающие на экранчике секунды.

– Может мне дернуть? – спросил я.

– Нет, я справлюсь. Дальше объяснять, что и куда.

– Оставь девочку, она знает, что делает, – сказала Ольга.

Рыжая ждала у мораториума, как знала, что придем. Усталая, грязная, вымотанная, осунувшаяся лицом, в пустотном костюме. Добегается она так-то, в одиночку. Быстро, но очень уж опасно.

– Тридцать секунд!

– Я нашла Марину. У меня на нее... Неважно, могу найти, в общем.

– Двадцать!

– Это было непросто, но я сорвала их с планового рейда. Совет мне потом это припомнит, там и так...

– Десять!

– Нам повезло, у Македонца тут личный интерес. Какой-то старый друг или что-то в этом роде...

– Пять!

– Пойдешь с нами? Оператор может пригодиться.

– Конечно. Я вообще удивлен, что ты ради Зеленого...

– Три, два, один! Импульс!

Василиса резко дернула что-то внутри механизма, зажужжало, затикало, затихло.

– Не попали в фазу, еще раз!

Рывок, стремянка закачалась, я еле успел подхватить на руки валяющуюся с нее девочку. Она смеялась:

– Есть, есть, совпали! Папка молодец!

– Ты тоже молодец, – похвалил я ее, глядя на разгоняющиеся шестеренки механизма.

Поставил Василису на ноги, достал планшет – да, реперная сеть на глазах как будто покрывалась муаром, теряя доступность. А значит, и закрылись и кросс-локусы, и тот странный способ перемещения, который использует Комспас. Попасть в Центр можно только по Дороге, опасность нападения ликвидирована.

– Справились, – сдержано похвалила Ольга, – не зря Зеленый...

– Вы его спасете, – твердо сказала Василиса.

– Ох, девочка, – покачала головой рыжая, – мне бы твою уверенность... А куда вы дирижабль дели?

– О, пойдем, покажу интересное место. Приглашаю... – сказал я и тут до меня дошло, что только что пригласил в гости к семье любовницу.

Ольга, конечно, не станет устраивать сцен, я ей как оператор нужен, а не как мужчина. Она даже Зеленого готова спасать в расчете на то, что я буду ей должен. Ну и буду, ладно. Но все же – есть в самой ситуации что-то абсурдное и натянутое. Сильны в нас социальные стереотипы. Даже в тех, кто почти султан...

– Она будет новый жена? – спросила меня Таира.

Спокойно так спросила, как уточнила бы, чай ей налить или кофе.

– Нет, что ты.

Ольга сидит в гостиной и торопливо ест. Лена, жена Зелёного, смотрит на нее с робкой надеждой.

– Мы попытаемся, – отвечает рыжая на невысказанный вопрос.

И, хотя мы с Иваном говорили то же самое, почему-то именно ответ Ольги ее немного успокаивает. Она кивает и идет на кухню.

– Сильный женщина, – констатирует Таира.

– Не то слово, – вздыхаю я.

На мои плечи сзади ложатся теплые руки, окутывает цветочный запах, внутри как будто щекочут смешные пузырьки.

– Ух, какая красивая... – жарко шепчет в ухо Меланта, – так бы и съела! Чур, я первая к вам в кровать. Я и Эли. Будет здорово!

– Мел, и ты туда же? – ответил я тихо, – мне не нужна четвертая жена. А ей не нужен я.

– Глупости, – прижавшись мягкой грудью к спине, Меланта кладет подбородок мне на плечо. Ее растрепанные медные волосы щекочут мне ухо, – у вас отношения, это всем видно.

– Рабочие, Мел.

– Недавно вы отлично поработали в кровати! – фыркает она мне на ухо. Ее дыхание пахнет карамельками. – Не пытайся скрыть такое от кайлита! И между вами не только секс, это видит даже наша милая дикарка. У вас еще будет какая-то история. И помни, я первая заняла очередь!

Меланта мягко подтолкнула меня в спину, и я вышел из коридора в гостиную. Выдумают же...

– Его обязательно надо спасти, Ольга Павловна! – отважно требует Настя. Синих глаз не видно за темными очками, но не сомневаюсь, что они сверкают той же решимостью, с которой она некогда в нее целилась.

– Я уже сказала... – терпеливо отвечает рыжая, – мы...

– Нет, – резко перебивает ее девочка, – вы не понимаете. Сергея надо спасти не потому, что вам что-то нужно от папы. Он важен. Его судьба... Не знаю, как это объяснить. Я теперь вижу... Всякие вещи. Как они связаны. И он связан... Со всем. С вами, со мной, с папой. С тем, что скоро случится. Сейчас его линия может оборваться, и тогда все поменяется.

– Кто-то умирает, что-то меняется. Но мир от этого не рухнет.

– А теперь может. Поймите, все застыло в неустойчивом равновесии. Одни тянут туда, другие – сюда, основание плывет и разрушается. Вы это знаете, вы как раз из тех, кто тянет. Вы можете обрушить его в любой момент, и хотите обрушить, потому что надеетесь, что это будет вам на пользу. Дядя Сергей не такой. Он человек равновесия. Укрепляет мир. Вокруг него возникают новые структуры и связи. Как вам объяснить? Он как будто вбивает гвозди, вкручивает болты, сваривает швы, крепит заклепки... Никому не интересны такие люди, они скучные и незаметные, все обсуждают вас, разрушителей, но в такие моменты, как сейчас, он просто необходим.

– Я не очень тебя понимаю, девочка.

– Я плохо объясняю, простите. Я недавно начала видеть связи и у меня нет слов, чтобы их объяснить. Просто знайте – если вы его спасете, Мультиверсум может уцелеть. Если нет – начнется новый цикл.

– Это плохо?

– Для этого не подходят слова «хорошо и плохо». Для этого никакие слова не подходят.

Она резко встала, повернулась и вышла.

– Твоей приемной дочери сильно досталось, – сказала мне Ольга.

– Я общался с корректорами в Школе. Они все такие. И они действительно видят... Всякое.

– Неважно, – отмахнулась рыжая, – вокруг слишком много «видящих всякое». А мы все равно делаем то, что должны и выбор у нас не так уж велик.

– И что же мы делаем?

– Ты? Ты отдыхаешь в своем гареме, пока я не скажу, что пора. Думаю, рано утром мы уже выдвинемся, так что постарайся все же выделить немного времени и на сон...

Если бы это была не Ольга, я бы сказал, что она ревнует!

Вечером меня перехватила и увлекла в свою спальню Меланта. Детей забрала Алистелия, так что в комнате кроме нас была только Эли. Кайлитка села на край кровати и усадила меня в кресло напротив. Она была неожиданно серьезна – не обнималась, не дурачилась, не лезла внезапно целоваться. Это даже немного пугало.

– Нам надо поговорить, Арти. Это важно.

– Слушаю тебя, Мел.

– Я родила тебе ребенка, – она замолчала, глядя на меня и ожидая какой-то реакции.

– Факт, – осторожно согласился я.

– Я обещала его родить, и я это сделала.

– Отличная дочка, очень милая. А кому обещала?

– Себе. Это моя часть сделки. Он спас нас. Я не знаю, что он предложил Альке и Таире, но наш уговор был таков – я рожаю тому, на кого он укажет. Я могла отказаться, если бы ты мне не понравился, но ты был такой забавный! Я решила, что это будет весело, родить именно тебе.

Ее понятия о смешном иногда выходят за мои границы нормального. У меня, наверное, недостаточно развито чувство юмора.

– И что взамен? – я понял, к чему идет разговор и решил не тянуть.

– Ты должен для меня кое-что сделать. Что-то очень важное.

– Мел, я не отказываюсь, но, все же – можно сначала пару вопросов?

– Ты такой смешной – всегда что-то хочешь выяснить! – засмеялась своим пузырящимся тихим смехом Меланта. Он похож на игристое вино, от него становится так хорошо внутри...

– Никак не можешь просто жить и радоваться! Спрашивай, конечно.

– Для тебя это только сделка?

– Ты не это хочешь спросить, – улыбнулась она своим широким ртом. Даже на губах веснушки. – Ты хочешь спросить, люблю ли я тебя, люблю ли ребенка, что для меня значит наша семья, какие у нас отношения... Ну и прочие глупые скучные вопросы, который люди вечно задают друг другу, чтобы расстроиться. Спасибо, что ты до сих пор их не задавал, я ценю это. Ты очень деликатный – для человека.

– Спасибо. Я больше не буду, но ты все же один раз ответь на мои глупые скучные вопросы.

– Конечно. Я попробую объяснить так чтобы ты понял. Я – кайлит. Мы похожи на вас, но другие. У нас другие отношения, у нас другие семьи, у нас по-другому относятся к детям. Я могу сказать: «Я тебя люблю». И скажу. Во прямо сейчас говорю тебе: «Я люблю, тебя, Артём!». Я не говорила тебе этого раньше?

– Нет. Никогда.

– Вот. Сказала. Только не брякни в ответ «я тоже», ладно?

Я промолчал. Не знаю даже, какой ответ был бы тут честным.

– Мое «люблю» не такое, как твое. Когда «люблю» скажешь ты, это будет значить «я беру на себя ответственность за твою жизнь». Нет, не перебивай, дай объяснить! – она подалась вперед и запечатала мне рот ладошкой. – Как говорит наша общая жена: «Убью за тебя и умру за тебя». Кстати, ей для этого никакой «любви» не надо, но с ней ты сам объясняйся. Когда это говорю я, это означает, что с тобой мне веселее, чем без тебя. Что я приняла тебя, как часть удивительного мира вокруг. Что я рада тебя видеть, когда ты приходишь и помню про тебя, когда ты ушел. Что я приму тебя в своей постели, одного или в хорошей компании. Но моя жизнь не стала твоей, а твоя – моей.

– А ребенок?

– Дети легко принимают мир таким, какой он есть и тех родителей, которые случились. У нашей дочери три мамы, как-нибудь переживет среди них одну сумасшедшую кайлитку! Я ответила на твои вопросы? Ты готов принять меня такой, какая я есть?

– Я уже принял тебя, ведь я здесь. Прости, но я тоже такой, какой есть – и тебе не избавиться от моего дурацкого чувства ответственности. Ты не просто сумасшедшая кайлитка, ты моя сумасшедшая кайлитка, нравится тебе это или нет.

– Сева все-таки гениально умел видеть судьбу, – сказал тихо Меланта.

– Но не свою, – покачал головой я. – Итак, мы разобрались в отношениях, обещаю больше этому не возвращаться. Ты такая, какая есть, я тоже не вчера на свет родился. Живем с этим дальше, как получится, стараемся не грустить.

– В тебе точно нет кайлитской крови? – рассмеялась Меланта.

– Нет, я просто без ума от рыжих. Так что же мне нужно для тебя сделать?

– Я – последняя в своем роду. Возможно, последний кайлит в Мультиверсуме. Мы всегда казались людям легкомысленными, но у нас тоже есть своё понятие о долге.

– И в чем твой долг, как кайлита?

– Возродить мою расу, конечно!

– Мне приходит в голову единственный метод, но мы, вроде, и так этим занимаемся...

– Нет, – засмеялась Меланта, – наша дочь не кайлит. Ваши гены сильнее, в ней больше человеческого, а ее дети будут в лучшем случае просто рыжими. Но способ есть. И Сева не зря нашел тебя, ты сможешь помочь.

– Внимательно слушаю.

– Последняя колония кайлитов была в срезе Эрзал.

– Где-то я слышал это название... – я попытался припомнить, – Сева что-то такое говорил... Кажется, я был тогда пьян, извини.

– Там создали Эли и таких как она. Там создали Алистелию и ее сестер.

– Сестер?

– Эй, человек-ответственность! – укоризненно покачала головой кайлитка, – найди уже время поговорить с Алькой! Она сама слова не скажет, но у нее тоже есть своя история.

Мне стало немного стыдно. Не сильно.

– Так это вы занимались евгеникой? – собрал я в кучу обрывки воспоминаний о том разговоре.

– Нет, мы, кайлиты, не очень-то способны к наукам. Эли создали не мы, но для нас. Кайлиты не могут нормально жить без таких, как она.

– И в чем ее функция? – заинтересовался я.

– Репродуктивная. Без нее у двух кайлитов не будет детей. Она медиатор, необходимый для зачатия.

– Постельная игрушка?

– Партнер-симбионт. Глупо, но сами мы можем зачать только с другими расами. Неудивительно, что вымерли, да? – она засмеялась, но как-то невесело.

– Я не понимаю, – признался я, – такая репродуктивная схема выглядит нежизнеспособной. Удивительно не то, что кайлиты вымерли, а то, что они появились!

– Это давняя история. Говорят, в нашем мире изначально было две расы, живущих в симбиозе. Кайлитский брак – брак четверых. Но потом был коллапс, вторая раса погибла. Технологии Эрзал дали нам их, – она показала на Эли. – Суррогатных заместителей. И мы выжили. Оказалось – ненадолго. Срез Эрзал пал. Наверное, кайлиты – единственная раса, дважды пережившая коллапс среза. Правда, представлена она только мной.

– И чем я могу тебе помочь?

– В срезе Эрзал остались лаборатории. Огромные защищенные подземные комплексы, их невозможно уничтожить. Ты – глотти. Ты можешь попасть в Эрзал и взять оттуда кое-что.

– Что именно?

– Генетический материал моей расы.

– Э... – я не нашелся, что сказать. – И что ты будешь с ним делать?

– Я буду рожать кайлитов. Материал подготовлен для оплодотворения обычным путем, достаточно ввести его в... В себя, в общем.

– Ты хочешь сказать...

– Да, я буду изменять тебе со своей расой. Рожать детей не от тебя. О, я вижу, мне удалось тебя шокировать! – она засмеялась весело и заливисто, как всегда. – А ведь ты еще с Алькой не по душам не разговаривал, да и наша повелительница коз не так проста, как притворяется. Дорогой, когда заводишь семью таким необычным образом, странно ожидать банального результата! Ну что, ты готов поучаствовать в возрождении расы кайлитов?

– Собственноручно украсив себе голову самыми развесистыми рогами в Мультиверсуме? Разумеется. Я же обещал.

– Тогда потребуется еще один препарат из тех же лабораторий. Катализатор фертильности.

– Знакомое название...

– Не для меня, для Эли. Она бесплодна, но это можно исправить. От этого катализатора даже старый пень начнет рожать деревянных человечков. Ее уникальный генетический набор нужен будущим кайлитам. Поскольку техников Эрзал больше нет, это единственный способ.

– И от кого же она будет рожать?

– Да хоть от тебя! – засмеялась Меланта, – У нее сильный генный комплекс. Шучу, шучу, – отмахнулась она, посмотрев на мою шокированную физиономию, – используем кайлитский материал. Бери его побольше.

– О боже, – простонал я, – я завел себе кайлитский инкубатор...

– Правда смешно, да? Старый Сева был гениален.

– Э... – мне не было очень смешно, если честно.

– Так, я вижу, тебе требуется срочная противошоковая терапия. А ну, иди сюда... – Меланта обхватила меня за шею и мягко, но решительно повлекла в постель.

– Эй, ты как бы только что родила...

– Бывала я и в лучшей форме, точно. Но техническую часть возьмет на себя Эли. Мы справимся...

Глава 4. Зелёный. «Ручки, ножки и животик».

Пришли за мной ближе к вечеру.

– О, тащ подполковник, – почти не удивился я. – И снова здравия желаю.

Велик Мультиверсум, а рожки встречаешь одни и те же. Космоспасовский офицер смотрит на меня без восторга, но и я ему не рад.

– Жаль, что здесь вы, а не ваш приятель, – сообщил разведчик, – вот с кем бы с удовольствием повидался. Должок за ним давний.

– Ничем не могу помочь, – развел я руками, не вставая с нар, – он отбыл в неизвестном мне направлении.

– Так уж и неизвестном, – хмыкнул офицер, – но ничего, еще встретимся. А вот против вас я ничего не имею, так что ничего личного. Служба.

– Известное дело, – не стал спорить я.

– Тогда пойдемте. Постарайтесь не делать глупостей, типа внезапных попыток сбежать. Это совершенно бесперспективно, глупо и хлопотно.

– Ничего не могу обещать. Бывают, знаете ли, такие внезапные порывы – нет-нет, да и захочется жить.

– Ну что же, – вздохнул подполковник, – мы постараемся не давать вам поводов для необоснованных надежд.

Мне застегнули на руках наручники и вывели коридором во двор, где без особой грубости, но четко фиксируя, засунули в десантный отсек броневика. Каждый мой шаг контролировался стволами винтовок, которые держали крупные ребята в современной броне, покрытой гладкими серыми защитными пластинами, не то из пластика, не то из керамики. В отличие от тех, что я видел раньше, эти были не камуфлированы и без глухих шлемов – в лихо заломленных на бок серых беретках. Да и винтовки не многоствольные. Какие-то сильно специальные ребята. Над двором завис, стрекоча пропеллерами, летательный аппарат – и тоже не из тех, которые я видел у башни. В два раза меньше, два винта вместо четырех, сзади хвост, спереди – шарообразная прозрачная кабина на два места, в центре корпуса – открытое с боков место стрелка. Та же техническая школа, но другая модель. Словно половинка боевой платформы. Ольге было бы интересно взглянуть. Хотя она, наверное, и так в курсе.

– Вы, я смотрю, не удивлены? – спросил меня подполковник, когда машина тронулась.

Внутри оказалось довольно тихо, электрические мотор-колеса имеют свои преимущества, так что мы спокойно беседовали. Бойцы, коих тут сидело трое, не обращали на нас никакого внимания.

– Не удивлен, что Комспас, – пояснил я, – ваша связь с Церковью для меня не секрет. Слегка удивлен, что именно вы. Не много ли чести для моей скромной персоны?

– Много, – подтвердил офицер, – моя спецгруппа просто была рядом. Прихватили, так сказать, по дороге. А кто вам рассказал про связь?

– Сам вычислил. Это несложно, если есть необходимые данные.

– Ах да, вы же аналитик Коммуны.

– Я свой собственный аналитик. Открыт для заказов.

– Увы, в данном качестве вы у нас не востребованы. Но это не значит, что мы не найдем вам применения.

У подполковника что-то сказал наушник рации. Он машинально прижал его пальцем к уху, выслушал и ответил:

– Готовы, переходите.

Мир моргнул. Внутри машины ничего не изменилось, но ощущение реперного перехода ни с чем не спутаешь.

– О, знаменитый переход с техникой, – прокомментировал я, – в Коммуне до сих пор головы ломают, как вам это удается.

– Скоро вы узнаете об этом всё, – внезапно пообещал офицер.
Прозвучало почему-то зловеще.

Два обычных репера – ждали гашения на месте. Пошел транзит – ехали довольно долго, машину трясло. Окон в десантном отсеке нет, подполковник молчит – видимо, для разведки Комспаса моя личность интереса не представляет. Интересно, для чего представляет – не зря же везут. Порешить меня и на месте можно было. Мне было немного страшно, немного тоскливо, но преобладал фатализм. Глупо переживать о том, что никак от тебя не зависит. По крайней мере, семья моя в безопасности, а с меня что взять? Я не переоцениваю свою значимость в Мироздании.

Машина, в очередной раз качнувшись, встала.

– Что там? – недовольно спросил в рацию подполковник. – Так разберитесь с ними, черт вас дер!

– Небольшая задержка, – сказал он мне.

– Ничего, я не спешу. Но, раз уж мы встали – можно мне в кусты?

– Тут нет кустов.

– Я согласен на заднее колесо.

Офицер махнул рукой и один из модерново бронированных открыл задний бронелюк, указав мне жестом ствола наружу. Разумеется, вышел со мной, контролируя поведение. Но я и не планировал бежать. По крайней мере, не так сразу. Я правда писать хочу. Наручники не сняли, но руки скованы спереди, расстегнуть ширинку можно.

Миниколонна из трех бронемашин встала перед шлагбаумом мощного блокпоста. Дорога пролегла между двух искусственных водоемов с бетонными берегами и объехать кустарное, но от того не менее внушительное сооружение из толстых блоков просто негде. Проезд между ними недвусмысленно и внушительно заткнут танком неизвестной мне модели. Пушка его смотрит прямо на колонну, и калибр ее намекает, что машины в ней не такие уж и «броня». Тем более, что из стрелковых ячеек смотрят стволы пулеметов и трубы РПГ. При моих более чем скромных познаниях в военном деле, я бы предположил, что с такой огневой мощью они разберут комспасовцев одним залпом. Но, может, я чего-то не понимаю.

Сопровождающий нас летающий аппарат застрекотал пропеллерами, снижаясь, и сел – к моему удивлению, прямо на головную машину. На ее плоской крыше оказались специальные держатели, куда аккуратно вошли кабина и хвост. Откинулась стеклянная выпуклая дверь сбоку, вылез пилот в такой же, как у пехотинцев модульной кирасе – но почему-то красной. На голове у него красуется глухой шлем. Стрелок в хвостовом отсеке остался на месте.

Пилот прыгнул с брони на землю и прошел к блокпосту. Я к тому моменту уже оросил здоровенное заднее мотор-колесо броневика, но назад меня пока не загоняли, так что дышал воздухом и любовался пейзажем. Вид открылся любопытный – за искусственными озерами расположился обнесенный высоким забором комплекс сооружений очень характерного вида. Две здоровых конусных градирни, высокие трубы и купола над корпусами. С высокой вероятностью это указывает на атомную электростанцию. Скорее всего, и водоемы вокруг – часть системы охлаждения. Судя по пару над градирнями, станция работает. Судя по превращенному в крепостную стену забору – у нее есть проблемы с неплательщиками за электричество.

Видимо пилот не сторговался о плате за проезд, потому что пошел обратно, а к нему на смену вылез подполковник. Переговоры перешли на более высокий уровень.

– ...на базу и вызывай тяжелую мангруппу... – сказал он в рацию, проходя мимо меня.

Офицер ушел к шлагбауму, пилот вернулся в кабину своего вертокрыла, но не взлетел, а так и сидел напряженно, глядя темным забралом шлема в спину начальства. Разговор отсюда не слышно, но по жестике я бы предположил, что подполковник не получает от него большого удовольствия. А потом сзади, метрах в ста, лязгнули открывающиеся в бетонной стене ворота, взревел дизель и по обходящей водоем дорожке выехал еще один танк. Он плюнул струями черного дыма из выхлопных труб, повернул в нашу сторону башню и резво выкатился на дорогу, встав поперек полотна. Теперь колонна не могла даже вернуться и поискать объезд. Попали.

Я ничуть не сочувствовал Комспасу и не стремился туда, куда они меня везут, но, если дело дойдет до пушек, то мой статус некомбатанта я объявить не успею.

Подполковник обернулся, посмотрел на танк и сделал круговой жест рукой. Пропеллеры леталки взвыли на форсаже, аппарат подпрыгнул вверх, и, круто развернувшись, рванул в сторону. С блокпоста запоздало выдал гулкое «дых-дых-дых-дых» пулемет – но тщетно. Юркий и шустрый вертокрыл заложил вираж и ушел с набором высоты в сторону солнца, затрудняя прицеливание. Из-за шлагбаума выскочили солдаты с оружием, подполковника уложили лицом вниз. Я резво присел за колесо, ожидая ураганной перестрелки, но ничего такого не случилось. Немногочисленную, как выяснилось, группу Комспаса разоружили без малейшего сопротивления. Я-то думал, они, как настоящие самураи, предпочтут погибнуть в бою, подорвавшись напоследок – но, видимо, элитных спецгрупп это правило не касается. То-то у них кирасы другого фасону.

В меня потыкал автоматом камуфлированный солдат в разгрузке и шлеме, и я, поднявшись из-за оскверненного колеса, послушно пошел, куда повели. Из плена в плен, поди ж ты. Интересно, что у меня на эту неделю по гороскопу?

Условия содержания тут похуже. Под камеру задействована какая-то подсобка, из мебели только стул и ведро с крышкой. Ведро мне уже не нужно, так что сел на стул и приготовился ждать.

Ждал долго. Ну, или так показалось. Часы у меня отобрали еще в Библиотеке. Я не умею скучать, так что сидел и думал, пытаюсь пристроить новые данные в старые схемы. Собственно, не билась пока только одна линия – почему прикормленный Кафедрой Комспас активно требует уничтожения Искупителя, а пытающаяся отдалить его пришествие Конгрегация, наоборот, всячески охраняет кандидатов в таковые. То ли тут какой-то неведомый мне схоластический выверт, то ли я кардинально ошибаюсь в логике событий. Мне бы поговорить с кем-нибудь из церковников, но пока что, похоже, разговаривать будут со мной.

Молчаливые солдаты отвели в кабинет. Обычный такой кабинет, скорее главного инженера, чем специалиста по допросам. Схемы на стенах, справочники в шкафах, компьютер на обычном офисном столе. И человек, меня там встретивший, выглядит технарем. Усталый седой дядька лет пятидесяти, с аккуратными усами и выбритым волевым подбородком. Он указал мне на стул – тоже вполне обычный, стоящий посередине кабинета. Я почувствовал себя на собеседовании.

– Я Милевский, руководитель станции.

– Сергей. На текущий момент без социального статуса.

– Вы, я вижу, несколько отличаетесь от остальных, – он показал на наручники.

– Есть такое дело.

- Вас удерживали насильственно. Объясните, почему.
- Они уверены, что я представляю враждебную им группировку.
- Это не так?

– Я не представляю никаких группировок. Я сам по себе. К сожалению, мне не удалось их в этом убедить.

- Это ваши вещи?

Мне показали мой рюкзак, отобранный в Библиотеке – видимо Космпасовцы везли ее с собой. Внутри нашелся УИН, инструменты для разборки мораториума, жилет-разгрузка м-оператора с мелочевкой в карманах и прочее носимое барахло.

- Мои.
- Вы инженер?
- Скорее техник или механик.
- А кто ваши сопровождающие?
- А вы не знаете? – удивился я.

Колонну так уверенно задержали, я думал, это какие-то старые счеты.

- Я хочу услышать вашу версию.
- Военизированное сообщество с глобальными претензиями.
- Это я вижу. Меня интересуют, чье сообщество. Южного карантина? Вольных земель?

Горного анклава?

– Простите, мне эти названия ни о чем не говорят. Вероятно, вы имеете в виду местные группировки, но колонна шла транзитом. Не думаю, что они вообще в курсе, кто это такие.

- То есть, вы тоже будете утверждать, что, якобы, из другого мира?
- Боюсь, что так. В это сложно поверить, но Мультиверсум существует.
- И в нем говорят по-русски?
- Местами.
- Звучит не очень правдоподобно.

– Ничего не могу поделать с проклятой реальностью. Она никак не желает соответствовать ожиданиям.

- И что, в этих мирах не было войны за проливы? И пандемии Вигневского?
- Там были другие войны и пандемии. Но вам еще повезло, как я вижу.
- Повезло? – разозлился усатый. – Повезло? Да мы трижды в неделю отбиваем набег из

Дикого поля! Если бы не помощь военных, эти дикари давно разнесли бы станцию! И, может быть, еще разнесут! Запасы патронов велики, но не бесконечны, а желающих покупать наше электричество все меньше. Анклавы скоро одичают настолько, что забудут, что это такое.

- Вы пока живы, – коротко объяснил я. – Большинству не удалось даже этого.
- Живы... – фыркнул он, – живы, ишь... Ну что же, расскажите и вы мне эту сказочку про другие миры. Что там, как, что это значит для нас?

Боюсь, я ничем его не обрадовал.

– То есть, мы просто оказались на дороге между входом и выходом? – констатировал он, когда я закончил. – Никому нет до нас дела?

- Миров много.
- Их летательный аппарат приведет им помощь?
- Скорее всего. И довольно быстро, я думаю.
- Они сильны?
- Я не знаю ваших сил, – деликатно ответил я, – но они могут доставить неприятности,

определенно.

- А если я вас отпущу?
- Их. Отпустите их. Я бы предпочел остаться.
- И все же?

– Скорее всего, не станут связываться – у вас нет ничего ценного, никто пока не пострадал, а им ни к чему потери в людях и технике.

– Я обдумаю ваши слова. Уведите.

Меня вернули к стулу и ведру. Поскольку покормить и напоить меня забыли, то ведро пребыло в праздности, а стул опять принял мой уставший зад. Надеюсь, здешний руководитель примет верное решение. С моей точки зрения верное – то есть, выпроводит Комспас, а меня оставит. Пусть даже в положении пленного. Здесь у меня больше шансов дожидаться помощи. Если Ивану удалось починить мораториум, то у друзей появится время и возможность для моих поисков. Рано или поздно найдут. А вот Комспас, сдастся мне, приготовил для меня что-то нехорошее...

– Для начала, вам отрежут руки и ноги, – с удовольствием просвещает меня подполковник. – Глаза удалят не сразу, на первых стадиях адаптации они нужны. Потом вскроют живот, укоротят кишечник, подключат выводящие системы к катетерам, а пищевод – к системе подачи питательной субстанции. Естественные потребности не должны отвлекать транспортных юнитов от работы. Не волнуйтесь, Сергей, это не больно, периферические нервные узлы отключают сразу, мы не живодеры. Более того, каждый выполненный перенос стимулируется впрыском в кровь синтетического эндорфина, что повышает физиологическую мотивацию. Морально вы тоже страдать не будете, об этом позаботится предварительная адаптационная подготовка. Сама по себе она довольно болезненная, потому что представляет собой установление условно-рефлекторных реакций путем отрицательной стимуляции. Зато потом вы будете получать настоящее удовольствие от службы транспортному подразделению Комспаса. Техники рассказывают, что некоторые юниты испытывают самый настоящий оргазм при работе. Особенно те, которые были женщинами.

– Вы и с женщинами это проделываете?

– Увы, – вздохнул подполковник, – материал слишком ценный для гендерной селекции. В мультиверсуме не так много глойти, а в качестве транспортных юнитов срок их службы невелик...

Меня лишили общества стула и ведра – отвели в общее помещение, где сидели Комспасовцы. Без объяснений и извинений. Впрочем, разговорившийся подполковник не стал держать меня в неведении, и просветил. Оказывается, он настоял на том, чтобы меня им вернули. Местное руководство покочевряжилось, но, когда подошли боевые платформы Комспаса, согласилось, что я не стою возможного кровопролития. Теперь сидим и ждем, пока прибывшая летучая кавалерия согласует процедуру передачи нас им. А чтобы я в процессе не заскучал, любезный офицер живописует мне радужные перспективы дальнейшего сотрудничества.

Оказывается, Комспас не таскает свои операторов с собой. Они сидят в материнской локали и каким-то образом активируют резонансы удаленно. Каким именно – подпол не знает, он не специалист. Но я могу не волноваться – меня научат. Вышеописанным способом. Отрежут ручки-ножки, упростят начинку животика, а потом будут бить током, пока меня не начнет волновать только один момент – чтобы больше не били током. Ах да, еще синтетические эндорфины и почти натуральный оргазм. Прелесть какая. Простая и, в сущности, счастливая жизнь, посвящённая работе. Это ли не идеал некоторых социальных учений?

Собственно, аналогичную методу применяет для своих порталов Альтерион. От этой прекрасной судьбы некогда бежал в неведомую даль на моем УАЗике Андрей, эту дивную участь готовили его сыну. Можно было бы предположить, что именно Альтери продали ее Комспасу,

но я думаю иначе. Скорее всего, источником этой дивно гуманной технологии, – как и остальных технологий Компаса, – является Церковь. Точнее – Кафедра, одна из ее ветвей.

Кстати, из этого следует, что преимущество Коммуны в противостоянии с Комспасом временное. Стратегически они обречены на проигрыш, потому что нет-нет, да и теряют операторов в стычках. А Комспас своих держит дома. Без ручек и ножек, зато в целостности и сохранности. Ну да, они подлежат замене по износу, но Коммуне своих надо с детства выращивать, воспитывать, уговаривать и мотивировать, а Комспас берет готовых и бьет током до полной лояльности. Это гораздо быстрее и экономичнее. Многим детишкам очень повезло, что у Коммуны такой технологии нет. Отчего-то мне кажется, что этические барьеры в таких случаях недостаточно надежны.

Вскоре нас всех подняли и повели длинным коридором. Под конвоем, или под охраной – не поймешь, но сопровождающие солдаты явно не опасались попыток побега. Какой смысл? И так договорились. Привели в большой подземный гараж, где нашлись три комспасовских броневика и груда оружия и снаряжения отдельно.

– Оружие вы получите только покинув территорию станции! – громко вещал кто-то мне невидимый, его загораживали машины. – И помните – вы на прицеле ракетных установок. Любое агрессивное поведение приведет к конфликту, который ни нам ни вам не нужен! Порядок выхода будет следующий...

Я его не слушал. Мне очень-очень хотелось и дальше жить с ручками и ножками, а оргазм испытывать при посредстве жены. Настолько хотелось, что я прислонился к стене, закрыл глаза и изо всех сил накачивал себе ощущением «это гараж». «Это гараж, это еще один гараж, часть Гаражища великого, да пребудет вовеки слесарная его суть. Здесь пахнет маслом и соляжкой, здесь чинят машины, здесь люди с замасленными руками ковыряются в железяках. И открывший дверь в один гараж откроет его в другие...». И когда началась суета погрузки в машины я был готов – спокойно, стараясь не привлекать внимания, неторопливо потянул на себя дверь с табличкой «Туалет».

– Ты раньше не мог облегчиться? Эй, кто-нибудь, присмотрите за ним там! – скомандовал бдительный подполковник.

Казалось, железная ручка задымится в моих руках от напряжения, но за дверью вместо сортира была графитовая тьма кросс-локуса. Полотно полуоткрытой двери загораживало ее от компасовцев, у меня было примерно полсекунды, пока идущий ко мне боец не поймет, что что-то не так. Я решился:

– Заодно труссы поменяю, тащ подполковник! – сказал я громко, – А то обоссался от ваших рассказов!

С этими словами я схватил за ляжку лежащий у машины рюкзак.

– Эй! – пока офицер осмыслял сказанное, я уже сделал шаг в темноту.

Дверь закрылась за моей спиной.

Запах пыли, смазки, нагретого железа – запах дома. В щели ворот тонкие лучики летнего солнца, но я не ошибся бы и с закрытыми глазами. Это место, где все началось. Это мой старый гараж. Я прилег на топчан у верстака – вряд ли ждать придется долго, но сколько-то отдохну.

Удивительно, но, прежде чем в ворота деликатно постучали, я даже успел немного подремать.

– Сергей, вы еще тут? – спросил вежливый голос

– Да-да, – ответил я, зевая спросонья.

– Анатолий Евгеньевич просил вас найти время заехать к нему. Лучше всего прямо сейчас.

– Я не против, поехали.

За дверь замолкли в ожидании, и мне пришлось пояснить:

– У меня ключей с собой нет. Откройте, пожалуйста, сами.

– Вас хочет видеть Куратор! – с придыханием сказал Анатолий Евгеньевич.

– Я думал, вы мой куратор.

– Я – куратор, а он – Куратор!

Кажется, понял о ком он. Наслышан. Легендарная личность.

– Это большая честь? – иронично спросил я.

– Это серьезное испытание, – не принял иронии Анатолий Евгеньевич. – Он... Ну да сами увидите.

Да, это надо было увидеть. Словами такое не передать. От небольшого ростом и невзрачного, какого-то даже серого, со смазанными незапоминающимися чертами человека исходит ощущение жуткой свинцовой тяжести. Мне доводилось встречаться с Хранителем, он сильно давит своей несоразмерной нездешностью, но это, сидящее передо мной... Я потом не мог вспомнить, как выглядел кабинет, во что он был одет, что лежало на столе, был ли при нашем разговоре кто-то еще... Не помню даже, сел ли я на стул или так простоял все время, пока не вышел на подгибающихся ногах с ощущением, как будто сдал три литра крови.

– Рассказывайте, Сергей, – просто сказал Куратор.

И я, сам себе удивляясь, рассказал. Все свои выводы, линии рассуждений, логические построения, срезы данных и даже догадки. Про Комспас и Коммуну, про Конгрегацию и Кафедру, про маяки и мораториумы... Черт, да я и сам до этой минуты не понимал, сколько всего успел выяснить! А тут все как-то выстроилось в цепочку... Я даже про сына рассказал. Про свои страхи и подозрения – то, что не сказал даже жене. Не знаю, что на меня нашло. Чертовщина какая-то.

– Анатолий Евгеньевич прав, – сказал, дослушав, Куратор. – Вы хороший аналитик. Во многом ваши выводы согласуются с нашими данными. Уверен, мы еще поработаем вместе.

«Сука, блядь, не дай бог!» – мелькнуло у меня в голове.

– Скажите, Сергей, – спросил он задумчиво, – из двух взаимоисключающих парадигм – пришествия Искупителя и поддержания стсус-кво, – лично вы бы какую выбрали?

– Вторую, – ни секунды не сомневаясь ответил я.

– Только из-за страха за сына, который может оказаться Искупителем?

– Нет, – ответил я честно, – не только. Я не сторонник концепции «до основания, а затем».

Предпочитаю эволюционные сценарии.

– Ну да, ну да... – покивал головой Куратор, – вы же были механиком, верно?

Я судорожно кивнул.

– Это определенный склад ума. Вы склонны бесконечно чинить старое, но не менять его на новое. Ну что же, этот подход тоже имеет право на жизнь. Не возражаю, займитесь.

У меня возникло острое неприятное ощущение, что здесь и сейчас только что каким-то образом решилась моя судьба. Знать бы еще – каким именно.

Куратор помолчал, подвигал бумажки на столе, и продолжил:

– Как я уже сказал, вы хороший аналитик. Однако в своих рассуждениях о природе текущего кризиса вы кое-что упустили. Одну силу и один объект. Это тем более странно, что с обоими вы сталкивались. Ну что же, отнесу это на недостаток данных. Аналитики имеют свои слабые стороны. Вы еще не догадались, что я имею в виду?

– Нет, – честно признался я.

В голове моей не было в этот момент ни единой мысли, кроме непреодолимого желания бежать отсюда и никогда больше не видеть этого человека. Если он, конечно, человек.

– Рекурсор и Хранители. Именно этих фрагментов не хватает в вашей мозаике. Подумайте над этим на досуге. А теперь – к делу. После нашей беседы вас доставят обратно в гараж. Оттуда вы перейдете к вашей башне. Вскоре ваши друзья сообразят, как вас найти и придут за вами. Вы передадите Ольге вот этот кодовый ключ, – он двинул ко мне по столу небольшой пакет, – она знает, что с ним делать и знает, какова цена. Свободны. Приятно было познакомиться лично.

Я не испытал ответного чувства, поэтому только промылчал что-то невнятно, выходя. За дверью кабинета чуть не упал в обморок, пришлось прислониться к стене и постоять так немного. Анатолий Евгеньевич смотрел на меня с сочувствием и пониманием.

– Куратор сложный... человек, – прокомментировал он, – но его компетенции уникальны. Он считает вас перспективным специалистом.

– Я... польщен, – на самом деле мои эмоции по этому поводу были максимально далеки от положительных.

– Пойдемте, нас ждет машина.

Меня доставили к гаражу, любезно открыли ворота, ничуть не смущаясь тем, что я им ключи не вручал. К башне Анатолий Евгеньевич прошел со мной.

На берегу моря расположился целый укреп район – за время моего отсутствия военные успели неплохо окопаться, возвести укрытия и капониры для техники, на холме, где кладбище, крутит решеткой радара машина от какого-то зенитного комплекса, к стареньким «Шилкам» прибавился современный «Панцирь» на шасси «Камаза». А ведь через мои проходы такую дуру не протащишь, в деревне «Газель» впритирочку проходила. Где-то им Андрей, видать, широкие ворота открыл.

Возле реки деловитые техники разбирали летающую платформу Комспаса. Я даже на секунду позавидовал – я бы в ней и сам с удовольствием поковырялся. Интересно, как она устроена. Платформа имеет вид пострадавший от зенитного огня, но, когда это произошло – сказать сложно. Тут, похоже, тоже события на месте не стояли. Не зря же они серьезной техники нагнали, – вон, новый бэтр стоит, который с орудийной башней и танк даже имеется. Палатки армейские, а дальше уже возводят модульные казармы. Родина деловито обустривается вокруг «моей» башни, и уже видно, что хрен ее теперь отсюда скovyрнешь. В Комспасе, конечно, ребята резкие, но порядок бьет класс.

Без особого удивления увидел стационарный альтерионский портал. Отчего-то я и не сомневался, что контакт с соседями будет налажен. Вот только кто в этом альянсе активная сторона? Пострадавший от коллапса и социального кризиса Альтерион уже не тот, а Родина при случае своего не упустит. Впрочем, не мое дело.

В башне расположились какие-то научные сотрудники, но на второй этаж они не лезли, а при моем появлении деликатно освободили помещение, спросив разрешения на визиты техника, который меняет акки и включает маяк. Я, разумеется, согласился, хотя не до конца понимаю, зачем Конторе этот политес. К чему делать вид, что это моя собственность, а они тут в гостях, если вокруг чуть ли не полк базируется?

К вечеру через портал пришла Криспи и обрадовалась мне так, что аж неловко. Я-то, признаться, за всей этой суетой о ней не вспоминал. В запасах башни отыскалась бутылка красного сухого вина, мы отправились на пляж, подальше от бдительного глаза военных, и там ее распили у костра. Все было прилично, максимум – дружеские обнимашки и поцелуйчик в щечку. Всегда бы так. Рассказала, что Альтерион пока весьма далек от бывшего благополучия, жизнь серьезно дезорганизована, но и катастрофическим положение уже не назовешь. Права мзее серьезно расширены – еще не равноправие, но возраст социальной ответственности уже поднят до сорока пяти лет, и разница в правах сокращается с каждым шагом. По крайней

мере, Крис теперь не грозит выпасть из процессов по возрасту. Она занимает скромную должность секретаря переходного «Правительства согласия». Такие названия очевиднейшим образом говорят, что никаким согласием в обществе и не пахнет, к тому же по некоторым оговоркам я догадался, что роль этой активной барышни несколько шире, чем бумажки переключать. Знаем мы таких «секретарей». Сегодня ты секретарь, завтра – генеральный секретарь. И вроде почти то же самое, но есть нюансы. Впрочем, ее дело.

Как я и догадывался, Родина, воспользовавшись случаем, заглянула в приоткрывшееся окно возможностей и тут же вставила в щель кирзовый сапог. Мягко и деликатно наращивает «помощь и сотрудничество», благо повод есть – Комспас пытался отжать у растерянного Альтериона центр порталных операций. Зачем-то им резко понадобились «управляющие биопрепараты». Им бы с разгону налететь, всех покрошить, забрать и смыться, но они предпочли действовать ультиматумом. Крис считает, что просто побоялись не довести – подключенные к системам жизнеобеспечения «препараты» крайне уязвимы, к перевозке их надо тщательно готовить.

Крис взяла проблему на себя – метнулась сюда, поговорила с Анатолием Евгеньевичем, и явившихся забирать требуемое комспасовцев ждал большой сюрприз. Как я и думал, с летающих платформ хорошо только пехоту по полю гонять, а против решительных ребят с ПЗРК и самоходных зенитных установок они уже выглядят бледно. Особенно, когда элемент неожиданности.

Комспас попытался отомстить и атаковал башню, но здесь зенитные комплексы не дали им даже подлететь на расстояние выстрела. В общем, полная виктория. Однако Альтерион внезапно обнаружил, что они теперь под надежной охраной, которая как-то и не собирается уходить. Критические объекты инфраструктуры защищены «временным ограниченным контингентом войск, действующим с разрешения Правительства Согласия», но отозвать это разрешение как-то не очень получается. Все время что-то мешает. Ну, вот так складывается.

Впрочем, меня во всей этой истории больше всего напрягало само существование «биопрепаратов управления порталами». Уж слишком близок я был к тому, чтобы таковым стать. Ручки, там, ножки, животик. Для Криспи же это обыденность. Ну да, вот так все это устроено, и что? Так надо. Цель оправдывает. Ох, подозреваю, не зря Альтерион так радостно привечал контрабандистов. Когда они все время толкутся, приходят-уходят, то, если и пропадет один-другой – кто заметит? Это, конечно, только моя версия, но, как по мне, весьма правдоподобная. Недаром цыгане туда ни ногой. У них на такие вещи чуйка.

Я, впрочем, не стал становиться в позу. Мало ли, что мне не нравится. Общественная этика всегда ситуационна и оправдывает необходимости. Что в интересах социума – то и этично. У нас тоже к некоторым моментам лучше тщательно не приглядываться. Посидели, допили, распрощались. Крис отбыла порталом, я ушел отдыхать. Из-за включаемого периодически маяка в спальне оказалось спать невозможно, пристроился в гостевом крыле на диванчике. Да, как-то это место совсем перестало быть моим домом.

А утром прискакала на выручку кавалерия. Ну, как «прискакала»... С стороны Черной Цитадели прибыла «Тачанка» с суровым Македонцем, веселой Мариной, насупленным бородатым Борухом, строгой и решительной Ольгой и растерянным Артёмом. Он, похоже, вообще не очень понимал, на кой черт он нужен в такой компании. Он вообще наивный. Уж не знаю, какой повод ему озвучили, но настоящий – он снова нужен Ольге, и она держит его поближе, постепенно приучая к этой мысли. В каком именно качестве она будет его использовать – это уже дело второе. Личный оператор – само собой. Остальное – тоже не исключаю. Я не силен в отношениях, но, сдаётся мне, тут не только деловой подход. Как-то изменилась в последнее время рыжая зараза, что-то такое человеческое стало проглядывать. Может взрослеет? Ее же как законсервировали в жестоком и бескомпромиссном возрасте двадцатилетия, так она с тех

пор и живет. Ум, опыт, цинизм – этого набралась, но где-то внутри ей по-прежнему двадцать. Ну, или я это нафантазировал, тоже вариант. Пусть Артём сам в своих бабах разбирается.

Увидев военный лагерь, прибывшие Коммунары отчетливо загрустили. Кажется, до них окончательно дошло, что рынок зарядки акков технично и бесповоротно отжат. Вон, у Цитадели цыганский базар, оттуда их на обмен ташат, вот с Альтерионского рынка в портал несут, а может и еще какие каналы появились, я не в курсе. И что это значит, если аналитически взглянуть на ситуацию в целом? А то, что остался у Коммуны последний козырь – Вещество. Так или иначе, придется им возвращаться к его производству, а значит – решать проблему Комспаса в пользу Конторы. И подвел их к этому, сдастся мне, тот самый злоеущий Куратор. Лично я оценил бы текущую ситуацию как его полный реванш. Судя по кислому лицу Ольги, которой я вручил посылочку, наши оценки совпадают. Впрочем, я обеим сторонам не сильно сочувствую, черт с ними.

– Оль, что это? – спросила Марина, показав на пакет.

– Ключ-карта.

– К тому, о чем я подумала?

– Да.

– Ого, – мрачно сказал Македонец, – интересно девки пляшут. Даже и не знаю, радоваться или нет. Уж больно источник... Специфический.

– У нас нет выбора, – покачала рыжей головой Ольга.

– Это-то мне и не нравится. А что насчет... Средства доставки?

– Потом, Мак.

Экие они загадочные.

Вежливо попрощался с Анатолием Евгеньевичем. Он отбытию моему не препятствовал, пожелал удачи и выразил уверенность, что наше сотрудничество продолжит оставаться таким же плодотворным. Тьфу на него.

Взял свой рюкзак, закинул в «Тачанку» и уже совсем было собрался сваливать, как увидел, что от портала к нам идет Криспи.

– О, Крис, – поприветствовала ее Марина. – Давно не виделись.

– Мерит, – удивилась девушка, – не ожидала... Да, давненько.

– Ты как?

– Мне лучше. Давно хотела спросить – ты с самого начала тогда все знала? По Андираоса, рекурсор, портал, Оркестратора? Я, наверное, казалась тебе ужасной дурой?

– Не всё, Крис. Далеко не всё, и кто из нас оказался в итоге большей дурой – большой вопрос. С тебя-то какой спрос, юная? А вот как я, опытный оперативник, попалась... Ладно, то дело прошлое. Ты по делу?

– Возьми, Сер, – Криспи подала мне тяжелую сумку. – Это твои вещи, нашла там у нас. До свидания и удачи.

– И тебе Кри. Может, еще увидимся.

Она чмокнула меня в щеку, обнялась с Мариной и пошла к portalу. Я залез на свободное место в тачанке. Сумка увесисто грохнула по кузову. Открыл «молнию» – обнаружил разобранную снайперскую винтовку, пистолет-пулемет, и два моих пистолета – «Глок» и «Кольт». То, что у меня конфисковали альтери.

– О, тот самый «Выхлоп»! – Заинтересовался Македонец винтовкой, – помню, помню, как твоя супруга лихо его отжала! Привет ей, кстати, и наилучшие пожелания. Крутая тетка!

Я покосился на него мрачно – этот небольшой кусок биографии не оставил следа в памяти жены, но его последствия то и дело всплывали в самые неожиданные моменты.

«Тачанка» набрала скорость и с дорожки ушла на Дорогу. Поехали.

Хорошо ехать пассажиром. Рулит Ольга, стреляют (если надо) все остальные, мы с Артемом сидим, расслабляемся.

– Как вы меня нашли? – спросил я у него.

– Не сразу. Сначала смотались в Библиотеку, но тебя там уже не было. Ребята там шороху навели хорошего, думаю теперь Кафедра сильно задумается, прежде чем наших трогать. Македонец на них такого страху нагнал, что они тут же рассказали, что тебя «похитил Комспас». Они, мол, ничего не могли сделать...

– Черта с два.

– Мы догадались. Вернулись обратно ни с чем. Потом мне пришло в голову, что твоя жена может попытаться увидеть тебя с Дороги. Но она не смогла. Зато Настя сразу сказала, что тебя надо искать здесь. Что ты и это место связаны. Мы и подумали – а почему нет? Куда бы ты отправился, если бы сумел сбежать от Комспаса? Кстати, как тебе это удалось?

– Случайность. Повезло.

Считается, что на Дороге есть «накатанные» маршруты и ехать по ним легче. Похоже, между маяком и Центром такой накатали цыгане – мы проехали быстро, гладко и почти без приключений. Идиотская попытка гопстопа каким-то совсем уже дикими рейдерами не считается – ведь с нами был Македонец. Я раньше не видел его в деле – вот, сподобился. Он честно предложил им одуматься и освободить дорогу. Они не вняли. Когда он закончил стрелять и убрал пистолеты, первый еще даже упасть не успел. Впечатляет.

В Центре распрощались с коммунарской командой – было ощущение, что еще встретимся и скоро. События, похоже, начали уплотняться, а значит, никто не избежит участия. Ольга осталась с нами – точнее, с Артёмом. Я, кстати, ничуть не удивился, а вот он, похоже, до сих пор не вполне осознал, что на крючке. У рыжей не сорвешься.

Сюрприз – мое семейство теперь делит особняк с семьями Ивана и Артема. Премилое местечко – как на первый взгляд. На второй – я бы поплотнее заложил двери в сад. Ну или выяснил-таки, что за срез находится за его оградой. Как по мне, все собравшиеся проявляют просто преступную беспечность, располагаясь как дома посреди абсолютной неизвестности, от которой их отделяют только грязные окна и деревянные двери. Меня, разумеется, обозвали параноиком. Но я привык.

Впрочем, я был рад всех видеть. И свою любимую жену, и распрекрасную дочку и серьезного не по годам сына.

Хрен вам, а не Искупитель. Обойдетесь.

– Алина, Беата и Виктор, – устало спрашивает в гостиной Артем. – Как вам, девочки?

– Ты что, по алфавиту пошел? – смеется Иван.

– Я уже сам не знаю...

– С Виктором понятно, – спрашивает приятно пухлая, очень рыжая и необычайно веснушчатая девушка, – а как делить Алину и Беату?

– Монетку бросьте! – смеется белобрысая Настя. Она сидит в темных очках, хотя в помещении скорее сумрачно.

В широкой кровати три сопящих свертка, ничуть не интересующихся кризисом нейминга, накрывшим их отца.

– Зеленый! – трагически взывает он ко мне, – ты умный, подскажи!

– Не вопрос, – соглашаюсь я. У вас найдется бумага и чем писать?

– Я видела! – подскочила Василиса, – я сейчас!

Она убежала по лестнице вверх и вернулась с пачкой плотной желтоватой бумаги и десятком тонко очиненных карандашей. Я достал из кармана УИН и аккуратно рассек пачку на десять частей. Образовалась куча прямоугольных листочков размером с визитку.

– Разбирайте карандаши и по три листка, – командую я. – На каждом листке – одно имя. Два женских, одно мужское. Любые, которые вам кажутся благозвучными, красивыми или по любой причине подходящими к случаю. Кого тут нет?

– Настя, позови Алистелию, она на кухне, – попросил Артем.

– Вась, сбегай за мамой, она не простит, если пропустит, – погнал дочку Иван.

Когда все собрались, даже в этой большой гостиной стало тесновато. Большая у нас теперь компания. Иван с женой, двумя детьми и котом. Я с женой, двумя детьми и котом. И чемпион сезона – Артем, человек-султан. С тремя женами, тремя младенцами, Настей, Эли и Ольгой. Надо ему еще кота подарить.

– Готовы? – участвовать взялись все, исключая младенцев, моего сына и Эли.

Даже сын Ивана, Лешка, что-то, сопя, выводит аккуратным почерком первоклассника. Те, кому не досталось карандашей, ждут своей очереди.

– Закончили? Теперь все бумажки кладем... да хоть в эту вазу.

Я взял с полки расписную керамическую посудину с высоким горлом. Судя по слою пыли, до нее еще не дошел ураган женской уборки – все-таки дом большой, а силы конечны. Прощелся по комнате, собирая в нее плоды размышлений собравшихся. Поставил на стол.

– Теперь очередь счастливого отца. Иди сюда! Процедура следующая: тянешь бумажку. Разворачиваешь. Смотришь. Читаешь про себя. Если реакция «боже, какой кошмар» – молча кидаешь ее в камин, мы ж не звери какие. Если имя нормальное – откладываешь в сторону. И так, пока не образуется комплект – два женских и одно мужское, от которых у тебя не вылезают на лоб глаза. Их зачитываешь вслух, и, если глаза не вылезают у матерей – решение найдено. Устраивает?

– Ну... – нерешительно сказал Артём, – да, наверное...

– Вперед! – я жестом пригласил его к столу.

Горлышко у вазы узкое, рука не пролазит, но он справился. Встряхнул, чтобы бумажки перемешались, аккуратно наклонил, осторожно, двумя пальцами достал первый листок. Прочитал, нахмурился, подвигал бровями, подумал – и решительно отправил в горящий камин. Достал вторую, посмотрел, брови поднялись. Оглядел собравшихся, как бы спрашивая: «Да кто же такое написал?», но ничего не сказал. В камин. Третья – сложное движение бровей, почесывание носа, жесты сомнения... Поколебался – но отложил на стол. Одно удовольствие за ним наблюдать, такая мимика откровенная...

Вскоре камин превратил в пепел еще несколько бумажек, а на столе скопилось уже пять.

– Ни одного мужского до сих пор! – пожаловался он, – а как я из этих выбирать буду?

– Тащи давай, не сомневайся, – поддержал его я.

Он снова сунул руку в узкое горлышко, встряхнул сосуд, перевернув, чтобы бумажки сползли поближе, зацепил очередную. Вытащил, развернул, озадачился.

– Это на каком языке? Как это читается? Это мужское или женское?

Мне незнакомый, слитный, заведенный под сплошную черту шрифт, напомнил по начертанию бенгальский. Я молча покачал головой – понятия не имею, что тут написано.

– Эй, ну скажите уже, что тут! – Артем показал листок остальным.

– Можно мне... – робко сказала одна из его жен. Тихая, как белая мышь, блондинка с фантастическими мультяшными глазами.

– Конечно, Алистелия, – Артем подал ей бумажку.

– Тут написано «Конград». Это мужское имя. Очень старое, означает «Облеченный судьбой».

– На каком языке? – спросил удивленно Артем, – на вашем?

– Нет, это мелефитский, язык классической древней литературы. Множество прекрасных книг сохранилось, они есть даже в здешней библиотеке. У нас считалось, что каждая... – девушка осеклась, сделала паузу и продолжила, – каждая из «спасительниц рода» должна уметь их читать и разбираться в толкованиях. Это входит... Входило в обязательное образование среди тех, кому мы... предназначались.

– Ну... – засомневался Артем.

Ему было заметно неловко за то, что ему досталось такая женщина, а он... Забавный парень, но слишком много рефлексивует.

– Ну, вот и отлично, – я решительно вернул обсуждение к сути, – вот, наконец, и мужское имя. Кондрат, так Кондрат.

– Конграт, – тихо поправила меня Алистелия.

– Тем более. У матери нет возражений?

Горянка молча покачала головой. Вид у нее был задумчивый, но спорить не стала.

– Один есть. Осталось две... – я быстро перемешал пять отложенных женских, и, отделив три, кинул их, не глядя, в огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.